Эмигрант. Господин поручик

Автор:
Александр Башибузук

Эмигрант. Господин поручик

Александр Башибузук

Fantasy-worldЭмигрант #2

Что делать, когда просыпаешься и понимаешь, что не помнишь, кто ты такой? Вдобавок ко всему парочка громил собирается тебя убить, а все вокруг очень похоже на антураж черно-белого кино и оказывается Марселем образца тысяча девятьсот двадцатого года.

Нашему современнику, волей случая оказавшемуся в теле офицера Русского экспедиционного корпуса во Франции, поручика царской армии Александра Аксакова, придется столкнуться с очень многими трудностями и опасностями, но он привык решать проблемы кардинально и ни перед чем не остановится, чтобы защитить близких для себя людей и вернуться в Россию.

Александр Башибузук

Эмигрант

Господин поручик

Пролог

В маленькой запыленной каморке, на сбитом из досок топчане без движения лежал укрытый вылинявшим армейским одеялом до самого подбородка молодой мужчина. Тусклые солнечные лучи, с трудом пробиваясь через расположенное под самым потолком маленькое замызганное окошко, падали на его изможденное лицо, окрашивая кожу в мертвенно-бледный, желтоватый цвет, более присущий покойнику, чем живому человеку.

Здоровенный рыжий таракан медленно выполз из щели в полу, покрутил усиками, а затем, ловко перебирая лапками, стал взбираться на топчан по краю одеяла. Забравшись вверх, он остановился на груди мужчины, помедлил, словно колеблясь, и быстро двинулся к его лицу. Запущенная неряшливая бородка не стала препятствием, и уже через мгновение прусак обосновался на скуле.

В этот момент в дверь каморки кто-то сильно постучал. Судя по грохоту и жалобному скрипу рассохшихся досок, стучали ногами. Возможно, не один человек. Таракан мгновенно прыснул с лица и затерялся в складках вытертого до основы одеяла, а сам мужчина вдруг глубоко вздохнул с сильным хрипом в груди, резко сел на постели и медленно, с диким недоумением в глазах оглянулся по сторонам…

Глава 1

Франция. Марсель.

1 ноября 1919 года

Обшарпанные стены с обсыпавшейся штукатуркой, низкий, покрытый пятнами плесени потолок, колченогая табуретка с огарком свечи, покосившийся шкаф с оторванной дверцей и такой же убогий стол с жалкой немудрящей посудой на нем…

Внезапно вынырнув из обволакивающей бархатной темноты, я никак не мог сообразить, где очутился. Определиться не получалось: голова гудела так, как будто по ней отрабатывал соло спятивший рок-барабанщик, в глазах все плыло,

а вдобавок ко всем этим чудным эффектам грудь при каждом вздохе разрывала сильная тупая боль.

– Что за черт?.. – озадаченно прохрипел я, озираясь по сторонам. – Какого хрена?..

Словно в ответ на вопрос раздался сильный грохот, дверь с треском распахнулась, на пороге каморки возникли два незнакомых мне персонажа. Один громадный и широкий, как шкаф, в сопровождении второго, размерами гораздо скромней.

Первый очень сильно смахивал на средневекового палача. Маленькая лысая шишковатая голова с рожей великовозрастного дебила, узкие плечи, мощные ручищи почти до колен, грудь как бочка, объемистое пузо – ему бы еще остроконечный красный колпак с прорезями для глаз, суконные колготки с заляпанным кровью кожаным фартуком – и вылитый мастер заплечных дел. А вот старомодного покроя костюм в клетку с длиннополым пальто амбалу совершенно не шли и смотрелись, словно детская одежка на взрослом мужике. И да, скорей всего, он был не европеец, а араб. Или около того.

А вот тот, что размерами поменьше, с закрученными кверху усиками и смазливой наглой мордой, совсем наоборот, смотрелся вполне нормально, хотя как-то… не по-современному, что ли…

А вообще, в визитерах было что-то странное. Но что, я так и не понял. Верней, не успел понять.

– Оля-ля… – издевательски протянул менее габаритный. – Кого я вижу? Месье Аксаков собственной персоной. Вы ли это?

– Он, он… – буркнул его спутник. – Просто зарос, как шайтан.

– Точно он, – согласился первый. – Ай-ай, как нехорошо прятаться от своих друзей, месье Аксаков. А мы тут уже с ног сбились. Ахмед…

Амбал, довольно хрюкнув, сделал шаг вперед и, протянув лапищу, словно пушинку вздернул меня с топчана в воздух.

«Что? Какой, к черту, месье? Какой Аксаков?» – как-то вяло и отстраненно задался я вопросом. Но озвучить его не успел, потому что Ахмед ткнул меня в стену.

В глазах полыхнули мириады ослепительно ярких звездочек, грудь взорвалась мучительным кашлем, а сам я, кажется, на мгновение потерял сознание. А когда очнулся, обнаружил, что так и вишу, словно тряпка, в руке у здоровяка.

– Анри, – гнусаво пробасил амбал, кровожадно кривя рожу. – Можно я откручу этому говнюку голову?

– Пока нет, – жестко отказал Анри, а потом очень доброжелательно, словно к старому другу, обратился ко мне: – Месье Аксаков, вы совершили непростительную ошибку. В этом городе никто не рискует оскорблять месье Неро. Потому что все знают – подобное чревато очень серьезными последствиями. Но вы все-таки сделали это. К тому же, вместо того чтобы как можно быстрей загладить свою вину, вы стали ее усугублять.

В голове крутилась тысяча вопросов, но я задал лишь один:

– Какого черта тебе надо?

И тут же ужаснулся, потому что понял; спрашиваю не на русском языке, а на французском. Которого… которого, кажется, никогда не знал…

– Сейчас поймете, месье Аксаков, – обаятельно улыбнулся француз и очень спокойно достал из кармана пальто пистолет.

«Это сон… – отчаянно стараясь убедить сам себя, подумал я. – Всего лишь чертов сон…»

Но густая чесночная вонь, исходящая от здоровяка, и звук взводимого затвора засвидетельствовали совершенно обратное.

Ужас прополз по спине и затылку, словно огромная, холодная и скользкая пиявка. Тело переполняла дикая слабость, сил на сопротивление не было ни капли, уже почти смирившись с неизбежным, я опустил глаза и вдруг наткнулся

взглядом на рукоятку револьвера, торчащую из кармана пальто у амбала.

С желтыми костяными накладками, хищно изогнутую, массивную, рядом, только руку протяни…

– Хотя нет, – Анри опустил пистолет и широко улыбнулся. – Хочу посмотреть, как он будет сучить ногами и пускать слюни. Ахмед, твой выход…

– Хех!.. – араб довольно крякнул, одной рукой прижал меня к стене, а второй ухватил за горло. – Расслабься, говнюк…

«Да пошел ты!..» – уже почти теряя сознание, я ухватился за рукоятку револьвера, выдрал его из кармана амбала, вывернув кисть, ткнул стволом ему в бок и даванул на тугой спусковой крючок.

Приглушенно бабахнул выстрел. Резко пахнуло сгоревшим порохом и паленой шерстью.

Ахмед протяжно испортил воздух и стал оседать на пол.

Француз с удивленным лицом вскинул пистолет, но я уже успел выстрелить во второй раз.

Пальнул почти не целясь, наобум, и… и в очередной раз потерял сознание.

Но только на мгновение, потому что, когда пришел в себя, из ствола револьвера все еще курился сизый дымок.

Ахмед, лежа пузом вниз, судорожно дрыгал левой ногой и сипло покряхтывал, рядом с ним без движения распростерся навзничь Анри. Из аккуратной дырочки чуть выше его правой брови медленно сочилась струйка крови и капельками стекала по скуле на пол.

– Твою ж мать… – я попытался встать, а когда ничего не получилось, просто сел и уперся спиной в топчан.

Очень хотелось закрыть глаза и опять провалиться в спасительную темноту, в голове царила странная пустота. Где-то на задворках сознания шевелилась вялая мысль: «Сейчас соседи вызовут полицию и все образуется. Самооборона чистой воды. Главное, понять, кто это такие и что им от меня было нужно…»

– Так что им от меня было нужно? – повторил я вслух. – За какие косяки они меня хотели грохнуть?

И тут же понял, что ничего не помню. Ничего, нет ни одного связанного со мной воспоминания! Ни капельки, даже обрывочка…

Как я сюда попал?

Где, черт побери, я нахожусь?

Почему чувствую себя, словно меня переехал грузовик?

И самое главное: кто я такой и какого хрена понимаю французский язык, как свой родной?!!

Чтобы хоть как-то развеять угнетающую безвестность, огляделся в поисках телефона. Не найдя его, полез к себе в карманы и неожиданно сообразил, что одет в растянутый засаленный свитер грубой вязки и грязные фланелевые штаны странного фасона, без ширинки и с застежкой на боку. А под этой одежкой обнаружилась нательная рубашка и архаичные кальсоны с завязками. Такие, какие не носил со времени срочной службы в армии. Это я помню точно. А вот когда служил и в каких войсках, начисто вылетело из головы. Впрочем, как и все остальное. Вплоть до имени…

На вешалке, которую изображали вбитые в стену ржавые гвозди, висела порыжевшая войлочная куртка, а под ней стояли на полу заляпанные грязью растоптанные башмаки на шнурках.

– Да что за хрень, мать твою? – не удержавшись, в голос возмутился я. – Не мое это! Не может моим…

Пока искал ответы на вопросы, немного пришел в себя. К этому времени араб уже затих, в комнатушке наступила тишина, а сирен полицейских машин все еще не было слышно.

Странно, но ладно, жаловаться не собираюсь. Пока такой расклад только на руку.

Собравшись с силами, встал и выглянул в коридор. Но ничего, кроме неоштукатуренных кирпичных стен, покрытых слоем грязи труб под потолком и замусоренного пола, не увидел. Зато понял, что нахожусь где-то в полуподвальном помещении.

– Час от часу не легче. М-мать, где полиция? – Так и не решившись выйти из каморки, я влез на топчан и, клацнув ржавым шпингалетом, открыл окошко.

В лицо ударил сырой холодный воздух, наполненный смрадом угольного чада, тухлой рыбы, еще какой-то непонятной дряни и соленым крепким запахом… Запахом моря?

– Моря? Какого хрена?

Какофония звуков, обрушившихся на уши, тоже ничего не прояснила, даже наоборот, еще больше загнала в недоумение.

Звонко цокали подковы по брусчатке, где-то вдалеке надрывались пароходные гудки. Орали чайки… Чайки? И самое странное…

– Посторонись!..

– Кому круассаны?..

– Зелень, свежая зелень!..

– Куда прешь, урод?..

– Месье Галан, вы слышали, в наших колониях…

– Да не дождемся мы репараций от фрицев, месье Дюбуа, все островные обезьяны[1 - Островные обезьяны – презрительное прозвище британцев во Франции.] подберут…

И самое странное, всюду слышалась французская речь.

– Зараза… – так и не разглядев ничего, я захлопнул окно и сел на топчан. – Не иначе свихнулся. И что делать?

Сказать, что я был растерян – это значит ничего сказать. В голове творился такой сумбур, что, дабы избежать немедленного помешательства, я решил предпринять хоть какие-нибудь действия. Для начала хотя бы проанализировать обстановку.

Итак, совершенно ясно: я – русский. Верней – россиянин. Потому что могу быть как татарином, так и… евреем, к примеру. Увы, память настоящей национальности не подсказывает. Да и не особо важно на данный момент. Но то, что из России – это точно. Такого даже при полной амнезии не забудешь. Генетически вложено.

А еще ясно, что я не на родине. А это значит, на вражеской территории. Да, именно на вражеской, потому что всяких там французов, бриттов и прочих европейцев, не говоря уже за партнеров из-за океана, мать их так, я друзьями никогда не считал и не считаю. Не простых людей, а их государства. Да и с простым людом очень неоднозначно. А это значит, надо вести себя, как в тылу у врага.

Налицо два мертвеца и я, слабый, как кутенок. Без единого документа. Да еще без памяти и вдобавок россиянин. Что из этого следует, надеюсь, ясно? И не надо мне протирать о верховенстве закона на Западе. Назначат козлом отпущения в угоду какой-нибудь политической ситуации и даже не поморщатся.

Да, все плохо. Даже не плохо, а вообще сплошное дерьмо. Хотя и положительные моменты присутствуют. Я жив, меня еще не замели, и, черт побери, языками владею. Французским и русским – а это уже немало.

Не знаю, кто я на самом деле, но интуиция подсказывает, что надо валить из этой конуры. И чем быстрее – тем лучше. В идеале, в направлении посольства

России. Но сначала – трофеи.

– Вперед! – скомандовал я сам себе, закрыл дверь, едва не вырубаясь от слабости, припер ее тумбочкой, после чего принялся обыскивать визитеров.

Тот факт, что они уже были трупами и безбожно смердели, как ни странно, меня никак не взволновал; что привело к довольно полезному выводу. Какому? Тут всего два момента: либо у меня психика наикрепчайшая, либо… либо привыкший. Н-да… даже не знаю, какой из этих вариантов предпочтительней. Вот как-то не улыбается неожиданно прозреть и вспомнить, что был патологоанатомом. Или киллером. А вообще, плевать. Хоть гинекологом. Лишь бы вспомнить.

Быстро обчистив карманы непрошеных гостей, я сложил всю добычу в кучку и, переждав очередной приступ кашля, приступил к досмотру.

Как назло, документов ни у одного не оказалось. А вот остальное… Остальное все еще больше запутало. Но обо всем по порядку.

Первым делом осмотрел оружие. Очень скоро выяснилось, что все стреляющее железо было жутко архаичной конструкции и неизвестных мне моделей, но после поверхностного изучения маркировки стало ясно, что стволы тоже родом из Франции. Или Бельгии. Увы, точнее не разобрался.

Немного подумав, я тщательно стер с револьвера отпечатки пальцев и вложил его в руку амбала, потом повторил процедуру с пистолем и щеголем – пусть полиция поломает голову, кто кого завалил. Плохо в деревне без обреза, но попасться с «мокрым» стволом еще хуже. В общем, сами понимаете. А вот большой складной нож, с фиксатором клинка, очень смахивающий на испанскую наваху[2 - Наваха (исп. Navaja) – большой складной нож испанского происхождения, род холодного оружия и инструмента. Возникла наваха из-за запрета для простолюдинов в Испании на ношение длинных ножей. Рукоятка у навахи почти всегда имеет характерный изгиб на конце.], присвоил. Не бог весть что, но оставаться совсем без оружия не годится.

Теперь бумажники…

В бумажниках оказались деньги. Купюры и несколько монет, общей суммой в триста восемьдесят франков. Я не особо удивился, разобравшись, что это французская валюта, но год выпуска банкнот…

– Тысяча девятисот пятый? – не веря своим глазам, глянул купюру на свет. – И они еще ходят? Ни одной даты позже четырнадцатого года двадцатого века. Что за бред? Да и почему франки? Стоп… а что тогда у лягушатников? Ну не марки же или как там их… гульдены, что ли. Евро! Вот что! Ладно, пока примем как данность и проведем легкую экспроприацию.

В лопатниках оставил немного мелочи и вернул их обратно в карманы гостей. Пусть в случае чего докажут, что я что-то брал.

Закончив с досмотром, набросил на себя куртку, висевшую на вешалке, и напялил кепку, фасона а-ля Гаврош. Вещи оказались донельзя затасканные, но одежка гостей была вся заляпана кровью и дерьмом, поэтому с желанием прибарахлиться трофейным гардеробом пришлось расстаться без сожаления. Единственное, сделал исключение для обуви, позаимствовав у Анри добротные полуботинки на меху, к счастью, оказавшиеся мне впору. И щегольские перчатки из лайки с теплым шерстяным шарфом вдобавок.

Пока справлялся, совсем выбился из сил. Пришлось присесть и немного передохнуть. А когда уже совсем собрался уходить, случайно обнаружил под набитой соломой замызганной подушкой еще один револьвер.

– Откуда ты здесь, дружище? – недоуменно пробормотал я, разглядывая потертый «наган»[3 - Револьвер системы Нагана – револьвер, разработанный бельгийскими оружейниками братьями Эмилем и Леоном Наганами, и состоявший на вооружении и выпускавшийся в ряде стран в кон. XIX – сер. XX в. В 1895 г. был принят на вооружение Русской императорской армией, в варианте под патрон 7,62?38 мм Наган.]. – И патронов полный барабан. Н-да… Загадка на загадке…

Но времени долго раздумывать не было, поэтому я сунул его в карман и шагнул в коридор.

И нос к носу столкнулся с пухлым коротышкой в вязаном колпаке и потертом, некогда парчовом, домашнем халате.

– Месье Денисофф? – выражение лица у толстячка было такое, словно он встретил живого мертвеца. – Но вы… вы…

– Что? – вздрогнув от неожиданности, грубо поинтересовался я.

Не понял, почему Денисофф, а не Аксакофф? Под чужой фамилией здесь скрывался?

– Ничего, ничего, – затараторил коротышка, зачем-то кивая мне при каждом слове. – Рад, что вы пошли на поправку. Очень рад. И да… тут вами интересовались два господина…

– Это мои друзья. Я с ними уже пообщался.

– Я так и понял, – мужик еще раз кивнул и вдруг состроил скорбную рожу. – Месье Денисофф… со всем моим уважением, но вынужден напомнить вам о некой задолженности за постой.

– Сколько?

– Пятьдесят франков, – быстро доложился толстяк. – Не могли бы вы покрыть хотя бы часть этой суммы… так как… сами понимаете…

– Держи, – не глядя, я выудил из кармана купюру и сунул ему в руку.

– О! – коротышка буквально расцвел на глазах. – А может, еще авансом за следующий месяц?..

– Завтра, – коротко оборвал я его. – Завтра вечером. Устроит?

– Конечно, конечно! Прислать служанку для уборки комнаты? Белье сменить?

– Не сейчас. Позже.

– Позже так позже! – покладисто согласился хозяин и едва ли не вприпрыжку припустил от меня по коридору. – Удачного вам дня, месье Денисофф.

Удачного…

– Черт… – Этот короткий диалог забрал у меня все оставшиеся силы, и, чтобы не упасть, пришлось опереться плечом об стену. – Да что со мной? Простудился? Воспаление легких? Когда успел? Впрочем, по сравнению с остальной хренью, это мелочи. Сука, быстрей бы попасть в посольство. Там и доктор должен быть. Плевать, что нет документов. Есть какое-то остаточное чувство, что меня не пошлют с налета на хрен. Совсем наоборот, примут со всем уважением. Почему так? А черт его знает, но чувство есть. Видать, непростым человеком был до того, как вляпался в этот дерьмо. Ладно, вперед.

Поплутав немного по коридорам, я, наконец, оказался перед дверью на улицу. Мысленно перекрестился и взялся за ручку.

«Ну, с Богом!..»

Признаюсь, в чем-то я уже был готов к тому, что увидел на улице: амнезия амнезией, а способность сопоставлять факты все-таки никуда не пропала. Но действительность оказалась куда страшней предположений. Сами посудите: запряженные ломовыми битюгами телеги, разносчики товара с лотками, старомодно наряженный народец, вместо неоновых огней вездесущей рекламы какие-то архаичные вывески, а единственный попавшийся на глаза автомобиль прямо олицетворяет собой первые шаги автопрома. И, черт побери, нет никаких ниггеров, уже ставших визитной карточкой Западной Европы. Хотя нет, пара промелькнула, но скрылись с глаз так быстро, как будто за ними по пятам гнались орды куклуксклановцев. И выглядели соответственно; вылитые жертвы расизма.

Твою ж мать! Чувство было такое, словно я попал на съемочную площадку фильма о дореволюционном периоде. Или в хронику начала века.

Особо подчеркивал впечатление тот момент, что на улице стоял жидковатый туман, хорошо разбавленный угольным дымом из многочисленных труб на крышах домов, и то, что райончик, судя по всему, был не из процветающих, если не сказать глубоко депрессивный. Залитая помоями и лошадиным дерьмом мощенная камнем мостовая, дикая вонища, всеобщая убогость и лишенные радостного одухотворения рожи обывателей прямо на это намекали.

Каким-то загадочным образом, не умудрившись опять хлопнуться в обморок от таких-то прекрасных впечатлений, я огляделся и побрел по улице.

Разобраться в произошедшем даже не попытался: потрясение оказалось слишком уж сильным. Тут не до анализа – не свихнуться бы. Да и организм отчаянно сбоил, заставляя в первую очередь следить за тем, чтобы оставаться по эту сторону сознания.

«Для начала надо отвалить подальше от трупов… – вяло размышлял я, шлепая по жидкой грязи. – Все остальное потом. Потом…»

Так и тащился куда глаза глядят. Силы иссякали с каждым шагом. Как физические, так и душевные. Вдобавок наступили сумерки, сильно похолодало и меня стал пробирать дикий озноб. Стуча зубами словно припадочный, в надежде обнаружить место, где можно хоть немного согреться, я огляделся по сторонам и направился к какому-то заведению, где на обшарпанной вывеске пара пышных девок зачем-то задирали на себе кружевные юбки. Что-то глубоко внутри подсказывало, что именно туда мне и надо.

Швейцар на входе, могучий пожилой бородач в полинялой ливрее с облезлыми галунами и протезом вместо левой ноги, как-то странно покосился на меня, но останавливать не стал и даже открыл дверь.

Отчаянно надеясь, что это гостиница, я прошел по коридору и в холле наткнулся на представительную дамочку, очень похожую… на… на… бордель-маман, что ли?

– Алекс? – дама, подслеповато щурясь, уставилась на меня. – Ты?

– Наверное, – честно признался я.

И вырубился.

Глава 2

Франция. Марсель.

Публичный дом «У веселой вдовушки»

3 ноября 1919 года

– Ну что могу сказать, мадам Минаж… – солидно и обстоятельно басил чей-то мужской голос. – Судя по всему, кризис миновал, осложнений я не наблюдаю…

Надо сказать, пробуждение оказалось не в пример приятней, чем в прошлый раз. Тело все еще переполняла слабость, но голова уже не раскалывалась, а боль в груди стала гораздо слабее. Вдобавок в помещении где я находился, было очень тепло и вкусно пахло: женскими духами, хорошим табаком, съестным и едва уловимым, но, увы, каким-то неопознанным запахом.

Я пришел в себя как раз от аромата еды, но открывать глаза не спешил, решив сначала проанализировать обстановку на слух. Да и страшновато было сталкиваться с действительностью, так как все недавние странности никуда из памяти не исчезли.

– Значит, он выживет? – с истеричными нотками в голосе задал вопрос женский голос. Приятный, с легкой очаровательной хрипотцой.

– Мадам Минаж, не беспокойтесь, – снисходительно ответил мужчина. – Ваш друг отменно развит физически, но, к сожалению, сильно истощен, так как, скорее всего, переносил пневмонию на ногах. Должное лечение, хорошее питание и правильный уход очень быстро поставят его на ноги.

– Но Алекс до сих пор не пришел в себя, месье Дюруа, – посетовала женщина.

– Это легко исправимо, – небрежно хохотнул мужик.

Что-то звякнуло, тут же мне в нос шибанул ядовитый запах нашатыря.

«Зараза!!!» – волей-неволей пришлось открывать глаза и приступить к визуальному восприятию.

Комната, в которой я лежал, была очень похожа на женский будуар, оформленный с претензией на роскошь, хотя и в несколько фривольной тематике. И это мягко говоря. Одна громадная картина на стене, где могучий козлоногий сатир пылко натягивал пышнотелую пейзанку, чего стоила. Но вся эта роскошь носила слегка потрепанный характер. То есть видала лучшие времена.

Доктор – необъятный румяный толстяк в пенсне, с буйной курчавой шевелюрой, несколько смахивающий на Александра Дюма, сидел на стуле рядом с постелью, а вот мадам Люсьен, как я и подозревал, оказалась той самой женщиной, с которой произошла встреча в коридоре. Она стояла у меня в ногах и экспрессивно прижимала руки к груди. Правда, несколько картинно. При первой встрече я толком не рассмотрел ее, а сейчас неожиданно выяснилось, что дамочка неимоверно хороша. Слегка за тридцать возрастом, стройная, фигуристая, с громадными глазищами и буйной гривой волнистых волос. Немного скуластенькая, со вздернутым носиком, ярко очерченными выразительными губами – мадам далеко не являлась образцом женской красоты, но в ней было столько шарма, что я невольно почувствовал некое напряжение в чреслах.

– Ну вот! – доктор жизнерадостно осклабился и несколько раз щелкнул пальцами перед моими глазами. – Как вы себя чувствуете, молодой человек?

Я нехотя отвел взгляд от француженки и прохрипел:

– Лучше, чем вчера.

– Очень хорошо, – довольно кивнул эскулап и, достав из саквояжа слуховую медицинскую трубку, скомандовал: – Еще раз послушаем вас, молодой человек. Дышите как можно глубже…

Во время процедуры выяснилось, что одежка куда-то исчезла, сам я лежу в постели в чем мать родила, а мерзкое амбре застарелого пота, которым вовсю благоухала моя тушка, сменилось приятным запахом цветочного мыла.

«Здрасьте… С какого, спрашивается, вдруг такое шикарное обращение? – немедленно озадачился я. – Подобрали, обогрели, вымыли, да еще доктора

вызвали. И она меня вчера явно узнала. Все бы ничего, но вот я ее в упор не опознаю. Впрочем, это вполне объясняется амнезией. Черт побери, может, я на самом деле Александр Аксаков? Или Алексей. И знал эту шикарную бабу в прошлом? Вполне может быть. Но вот досада, никакой потерей памяти не объяснишь окружающий антураж начала двадцатого века. Ведь я точно знаю, что моим временем было двадцать первое столетие. И что такое мобильная связь с интернетом – тоже помню. И много чего еще. А здесь подобными вещами даже не пахнет. Вон у дохтура вместо стетоскопа какая-то допотопная труба. Такую, наверное, еще Антон Палыч Чехов пользовал, в свою бытность земским врачом. И так все вокруг. Япона мать… Не нравится мне это. Ой, не нравится. А если…

Но развить мысль помешал лекарь.

– Я выпишу кое-какие лекарства, мадам Минаж, – месье Дюруа с треском захлопнул саквояж. – Микстуру и порошки заберете у Франсуа сегодня вечером. Принимать строго по рецепту. Ничего непоправимого пока не вижу. А сейчас, пожалуй, я осмотрю вагины ваших цыпочек…

Доктор весело хрюкнул, удивительно легко для такой туши встал и проследовал на выход из комнаты.

– Да-да, конечно, месье Дюруа, девочки уже приготовились, – мадам Минаж проводила врача, закрыла за ним дверь, после чего резко обернулась ко мне и довольно угрожающе процедила:

– А теперь изволь объясниться, Алекс!

«К лепиле она обращалась на “вы”, хотя явно с ним хорошо знакома, – не спеша отвечать, отметил я. – А ко мне сразу на “ты”. Опять же, швейцар на входе пропустил в бордель, хотя, по логике вещей, должен был такого оборванца пинками спустить с крыльца. Что сие значит? А сие означает, что меня и эту женщину связывали не только дружеские отношения. Н-да… очень оригинальное открытие; с хозяйкой борделя я еще шашни не водил. Или водил?..»

Француженка при виде моего молчания сразу же сменила гнев на милость.

– Я же переживала! – жалобно всхлипнула она и, картинно заламывая руки, бросилась ко мне на грудь. – Как ты мог?!! Целых полгода ни одной весточки! Я уже думала, думала…

– Мадам Минаж… – я осторожно провел рукой по ее иссиня-черным волнистым локонам.

– С каких пор я стала для тебя мадам? – возмутилась француженка. – Ты меня всегда называл Люсьен и Люси. Иногда… Льюська… если я правильно выговорила.

– Люси… Тут такое дело… Я… я все забыл…

– Что? – оскорбленно вскинулась женщина, но тут же взяла себя в руки и совершенно бесстрастно заявила: – Ну что же, этого и следовало ожидать. Ты не давал мне никаких обязательств, так что…

Ругнувшись про себя, я поспешил исправлять положение:

– Ты не так поняла. Я просто потерял память! Напрочь! Даже не помню, как меня зовут. Что-то внутри подсказывало, что надо прийти именно сюда – вот я и пришел.

– Правда? – Люсьен изумленно уставилась на меня.

– С какой стати мне тебя обманывать? – ответив, я невольно поежился. Заявлять о своей потере памяти женщине, с которой ты когда-то имел любовную связь, по крайней мере неразумно. Почти наверняка сразу же проявится множество фактов, о которых ты не подозревал даже перед амнезией. Впрочем, другого выхода пока не вижу. В моем положении не до привередливости. Надо будет, подыграю. Тем более мамзель весьма неплоха собой. Главное сейчас стать на ноги и связаться со своими.

– Прям ничегошеньки не помнишь? – озадаченно переспросила Люсьен. – А нашу свадьбу? Детей? – И тут же весело прыснула, заметив оторопь в моих глазах. – Шучу, милый, шучу. Хотя признаюсь, меня просто распирает от желания прояснить твою память, исходя из своих интересов. Слушай, может обратиться к

месье Симону? Он врач очень знающий. А гинеколог так вообще великолепный.

– Очень сомневаюсь, что смотритель лохматых… гм… – я замялся, подыскивая нужные слова. – В общем, сильно сомневаюсь, что женский врач сможет мне чем-то помочь. Пускай это останется между нами. Пока. А потом посмотрим. Память как пропадает, так и возвращается. А теперь рассказывай.

– Как скажешь, милый, – охотно согласилась Люси. – С чего бы начать? Ты русский, тебя зовут Александр Аксаков…

– Какой сейчас год?

– Третье декабря тысяча девятьсот девятнадцатого года, – несколько ошарашенно ответила Люси. – Ты даже этого не помнишь?

– Это как раз помню, – быстро соврал я. – На всякий случай спрашиваю. А город?

– Марсель.

«Приехали… – ошарашенно подумал я. – Но как? Каким, черт побери, таким загадочным образом меня сюда принесло? Зараза, так ведь не бывает. Галлюцинации? Сумасшествие? Вряд ли, слишком уж все реальное. Ага, в посольство один собрался… В какое? Российской империи или… как там в это время называлось первое в мире пролетарское государство? РСФСР? РСДРП?.. Нет, это совсем не из той оперы… Увы, не помню. Да и без разницы, все равно дипломатических отношений с красными у французов вроде еще нет. А с белыми уже нет…»

– Алекс, тебе плохо? – встревожилась Люсьен.

– Все хорошо, все хорошо, Люси… – Я покрутил головой, решительно спустил ноги с постели, после чего, ведомый неясной догадкой, шагнул к большому зеркалу в потертой раме из резного дерева. Глянул и едва не заорал во весь голос: – Какого черта?!!

Других слов не нашлось. Почему? Да потому что из зеркала на меня смотрел совсем другой человек.

Совсем другой!

Не я, черт побери!

Этой напасти еще не хватало…

– Не вижу повода огорчаться, – Люсьен, к счастью, не поняла настоящей причины моего замешательства. – Ты по-прежнему сложен, как Ахилл, и красив, как Феб. Ну, немного отощал, так это вполне поправимо.

«Действительно, хорошо сложен… – машинально отметил я. – Худющий, но словно соткан из жгутов мускулов. Спортсмен? Правда, рожа приторно смазлива, но вполне укладывается в рамки мужской красоты. Не выходя за грань пристойности. Как ни крути, неплохая тушка. Вот только не моя. Я не так выглядел. Совсем не так. И старше был, лет эдак на двадцать. Если не больше…»

– В постельку, в постельку, мой жеребенок, – Люси обняла меня за плечи и настойчиво увлекла к кровати. – Рано тебе еще гарцевать. Рано…

Я не стал сопротивляться, потому что на самом деле все еще чувствовал себя скверно. Да и чего ерепенится? Никогда не отличался особой впечатлительностью, и не собираюсь меняться в обратную сторону. Тем более, скорее всего, приговор окончательный и пересмотру не подлежит. А если подлежит, то я даже не подозреваю, куда подавать апелляцию. Тело молодое, руки, ноги при мне, голова тоже присутствует, словом, как говаривал один киношный царь: так чего тебе еще надо, хороняка? А память… Память дело такое, абстрактное. Не вернется прежняя, больше места будет в черепушке для новой. В общем, минусов не нахожу. А если они есть, то их гораздо меньше, чем плюсов. Спору нет, время смутное, в карманах ни гроша, зато всякими ГМО даже и не пахнет, а воздух чище. И бабы натуральней. Хотя да… страшновато, ядрена вошь. Аж до печенок пробирает, так боязно…

– Револьвер верни, – потребовал я, едва угнездившись на перине.

– Зачем он тебе здесь? – очень ненатурально удивилась Люси.

– Надо. На душе спокойней будет. Не переживай, никуда бежать не собираюсь.

– Я и не переживаю, – фыркнула, как кошка, Люсьен. – Никогда не держалась за мужчин… – потом достала из верхнего ящика комода «наган» и сунула мне его в руки. – Держи.

«Так-то лучше будет…» – я быстро проверил патроны в барабане и поместил оружие под подушку, затем потребовал:

– Еда есть? И какое-нибудь бельишко мне найди. Несподручно голым задом светить.

Да, именно потребовал, интуитивно нащупав нужный тон для общения с хозяйкой борделя. Нет, я всей душой благодарен ей за спасение, при первом же случае отдарюсь по полной, но с такой только дай слабину, живо в подчиненном положении окажешься. Опять же, дамы пониженной социальной ответственности – контингент специфический, склонный к мазохизму, простую доброту могут принять за слабость. Да, не исключаю, что в данном случае могу тут же оказаться на улице в чем мать родила, но предпочту рискнуть.

К счастью, угадал с тоном. Люсьен заполошно пискнула и вымелась из комнаты. А через десять минут уже вернулась, притащив стопочку новенького белья и поднос с исходящей ароматным парком супницей.

После того как я переоделся в кальсоны и нательную рубаху из добротной тонкой байки, Люси уж было совсем вознамерилась кормить меня с ложечки, но получила отпор и уселась на краешек кровати, смиренно сложив руки на коленках. И прямо потребовала взглядом: ешь, а я посмотрю!

Н-да… сей нюанс нам известен. Уж не знаю почему, но очень многие женщины обожают смотреть, как едят их мужчины. Может, таким образом они проверяют их на пригодность по типу: хорошо ест – значит годный самец, либо по каким еще таинственным причинам, но факт есть факт. И француженки, видать, не исключение. Ну что же, разочаровывать не собираюсь…

Я набрал полную ложку наваристого рыбного супчика и решительно отправил ее в рот. Затем рванул зубами ломоть белого хлеба и скомандовал:

– А теперь раффкафыфай!

При виде моих подвигов на почве потребления кулинарных изысков Люси вспыхнула от удовольствия и начала доклад:

– Ты, Алекс, из старинного русского дворянского рода. Но побочной ветви. Хотя на эту тему не очень любил говорить. Встретились мы с тобой…

К тому времени, как миска опустела, я уже обладал некоторым багажом знаний про себя. А точнее – про демобилизованного поручика[4 - Поручик – нижний офицерский чин в Русской императорской армии, эквивалентный чину старшего лейтенанта в современной российской армии.] Александра Александровича Аксакова.

Если вкратце, в Марсель я попал в шестнадцатом году, вместе с Русским экспедиционным корпусом[5 - Экспедиционный корпус русской армии во Франции – обобщающее наименование экспедиционных войск Русской императорской армии, участвовавших в Первой мировой войне на территории Франции по инициативе двух государств в рамках интернациональной помощи и обмена между двумя союзниками по Антанте.], еще в чине прапорщика, начальника пулеметной команды. Сразу по прибытию, находясь в формировочном лагере недалеко от Марселя, познакомился с Люсьен Минаж, как и сотни патриотичных француженок, прибывшей для того, чтобы воздать должное гостям, с какого-то хрена вознамерившимся умирать за Францию. Впрочем, подозреваю, что помимо патриотичности, Люси преследовала более банальную цель, цель наполнения своего заведения клиентурой, но не суть, так как она стала моей «крестной матерью». Ну… не в общеупотребительном смысле, а в переносном. Так назывался созданный женщинами институт опеки и патронажа, призванный скрасить суровые армейские будни на чужбине русским солдатам.

Кстати, Люси к проституции имела весьма опосредованное отношение, так как бордель наследовала от матери и продолжила фамильное ремесло, прямо в нем не участвуя. Но это по ее версии, а что было на самом деле – бог весть. Да и плевать.

В общем. вспыхнул бурный роман и продолжался ровно до того момента, как Аксаков отбыл на фронт. Потом они виделись еще несколько раз: когда

прапорщик лежал в марсельском госпитале с ранением и приезжал два раза в отпуск. Уже подпоручиком и поручиком соответственно. После того, как в России вспыхнула революция и экспедиционный корпус расформировали, поручик Аксаков продолжил службу в Русском Легионе Чести[6 - Русский Легион Чести (фр. Le?gion Russe pour l’Honneur) – специальное (особое) формирование из военнослужащих Русской императорской армии, участвовавшее в Первой мировой войне, в составе ВС Франции.] с контрактом «до окончания военных действий», где покрыл себя славой, стал кавалером ордена Почетного легиона[7 - Орден Почётного легиона (фр. Ordre national de la Le?gion d’honneur) – французский национальный орден (организация), учреждённый Наполеоном Бонапартом 19 мая 1802 года по примеру рыцарских орденов.] и еще каких-то местных наград. Еще тот герой, словом. Ну а после завершения войны благополучно демобилизовался, опять вернулся в Марсель и неожиданно исчез. Почему он не отправился в Россию с остальными легионерами, Люси не знала.

Как-то так. Немного, но и не мало. Вполне достаточно, чтобы составить поверхностное представление о настоящем хозяине моего нынешнего тела. Хотя, со временем, надо будет все разузнать поосновательней. Почему остался во Франции, чем занимался после демобилизации, где документы и, главное, что не поделил с месье Неро. Знать бы еще, что это за хрен. Но Люське об этом загадочном персонаже пока говорить не стоит. Может статься, что как только она о нем узнает, я пулей вылечу из борделя. Или еще хуже, поручика Аксакова сдадут ему с потрохами. Любовь очень быстро проходит, когда появляется угроза собственной шкурке.

– Что-нибудь вспомнил? – с надеждой поинтересовалась Люси.

– Пока нет. Какие-то проблески мелькают, но ничего ясного.

– А меня? – Люсьен дразняще приблизила свои губы к моим.

Я внимательно прислушался к себе и решил, что смогу.

– Сейчас вспомню… – не спеша встал, развернул француженку к себе тылом, упер ее руки на постель, задрал расшитый серебром халат и удовлетворенно рыкнул, обнаружив полное отсутствие каких-либо предметов женского туалета под ним.

– Алекс! – заполошно пискнула Люси. – Но ты же еще болен…

– Болен, но еще не мертв, – по-хозяйски огладив мраморно-белый гладкий зад, я решительно приступил к действию.

– Ох! Милый…

Но как быстро выяснилось, силы были сильно переоценены. К концу процедуры я уже хрипел как загнанная лошадь, но процесс все-таки завершил. Правда, едва опять не вырубился. Ей-ей, чуть не сдох. Действительно, рановато гарцевать. Но зато убедился, новый аппарат работает как надо. Выше всяких похвал.

– Мой жеребчик, – раскрасневшаяся Люси довольно чмокнула меня в щеку. – Ты был как всегда великолепен!

– Скоро продолжим… – машинально пообещал я ей. А сам был занят совершенно другими мыслями. Верней, одной мыслью: что делать дальше? Увы, карьера «бордельного кота» никогда не являлась пределом моих мечтаний. Для того, чтобы стать на ноги, вполне сгодится, а затем… Черт его знает. Наверное, буду выбираться домой, на родину. Чужбина – это не мое. Уже чувствую. Пускай даже здесь будет медом намазано. Впрочем, не стоит забегать слишком далеко. Пока задача максимум – стать на ноги. Затем – как-нибудь легализоваться. А дальше… Дальше будет видно…

Мы еще немного потискались с Люсьен, после чего она отправилась заниматься делами, а я благополучно заснул и проспал до самого утра.

Глава 3

Франция. Марсель. Район Старого порта.

Публичный дом «У веселой вдовушки»

7 ноября 1919 года

Последующие дни я только и делал, что спал, жрал как не в себя и всеми доступными способами познавал окружающую меня действительность с особенностями этого времени. Того времени, в котором так неожиданно оказался. Газеты, книги, общение с хроноаборигенами, городские сплетни, все шло в ход. Никогда не был силен в истории, поэтому первым делом пришлось прояснять международную обстановку. К счастью, особого труда это не составило, так как французские газеты довольно корректно отображали все мировые перипетии. Правда, после того как я разобрался с ходом событий на просторах бывшей Российской империи, меня еще больше потянуло на родину. Понимание того, что в любом случае придется выбирать чью-то сторону, ничуть не останавливало. Да, можно отсидеться в довольно благополучной Европе, но тогда я сам себе этого не прощу. Не та натура. Увы.

Быстро выяснилось, что поручик курил, так как организм люто требовал никотина. А еще он одинаково действовал обеими руками и был боксером. Это я случайно понял, проведя легкую разминку. Остаточные рефлексы подсказали. И обрадовался, так как в прошлой жизни, скорее всего, сам не чурался этих увлечений. Хотя особой уверенности нет, только догадки.

Приличное питание, мерзкие микстуры с порошками доктора Дюруа и еженощный горячий секс с Люськой сыграли свою роль, – я довольно быстрыми темпами шел на поправку. Трофейных франков вполне хватило на довольно прилично сшитый костюм из английской шерсти, и сопутствующее шмотье, а также на пару смен домашней одежды: рубашки, свитера, брюки с бриджами и все такое. Хотя есть подозрение, что Люсьен, на пике эмоций от воссоединения, все-таки доплатила из своих, но это дело такое, так сказать, семейное. Меня абсолютно не смущающее.

Публичный дом «У веселой вдовушки» находился в районе Старого порта Марселя и располагался в древнем особняке, построенном еще во времена взятия Бастилии. Элитным заведением его точно нельзя было назвать, но и низкопошибным гадюшником бордель тоже не являлся. Люсьен уровень держала, хотя и постоянно плакалась, что народец совсем забыл о любви и больше озадачен банальным выживанием. Что и неудивительно, так как Франция тонула в пучине кризиса. Франк обесценился, производство рухнуло, а цены на продукты взлетели до заоблачных высот. Правда, Марсель на этом фоне, по словам Люси, смотрелся еще неплохо, за счет того, что был

крупнейшим портом Средиземноморья с постоянным товарооборотом. Проще говоря, жил с контрабанды. Да и другого криминала здесь хватало, вплоть до подпольной работорговли. Со всеми сопутствующими прелестями, вроде передела сфер влияния и постоянной грызни между группировками. Криминальная хроника местной газетенки занимала целую страницу и пестрела разными веселыми происшествиями, в том числе и убийствами. Кстати, мои два барана тоже нашли в ней отражение, но без особых подробностей и с комментарием, что убиенные принадлежали к банде, угадайте с двух раз, кого? Конечно же того самого месье Неро. А точнее, Франциска Неро, по прозвищу Франко Корсиканец. Правда, уже в другой газетенке, сего персонажа называли добропорядочным гражданином, меценатом, честным коммерсантом, кандидатом в городской совет на следующих выборах, а обвинения в криминале со стороны полиции определяли как нелепые инсинуации.

Я быстренько навел справки у Люси и очень быстро понял, что в Марселе мне делать нечего, так как месье Неро, по сути, был одним из тайных хозяев этого города.

Весело? А с учетом того, что меня ищет не только сей товарищ, но и полиция, положеньице вообще аховое. Так что вопрос эксфильтрации уже давно уже назрел. Правда, как это осуществить без документов и без средств, я еще не придумал, да и здоровье пока оставляет желать лучшего.

С полицией тоже все сложно. В любом случае хозяин ночлежки меня уже описал, так что копы ищут русского убийцу по-зрячему. С другой стороны, если бы флики[8 - Флики – презрительное прозвище полицейских по Франции.] получали информацию из нашего борделя, я давно бы куковал за решеткой.

В общем, еще потрепыхаемся несколько дней. А дальше видно будет.

Постоянный личный состав заведения «У веселой вдовушки» исчислялся десятью девушками исключительно французской национальности и одиннадцатой – китаянкой, могучим эфиопом с чудным именем Захер, состоявшем на должностях дворника, истопника и вышибалы, а также заслуженным ветераном какой-то древней войны, папашей Рене, тем самым одноногим стариканом. Дедок швейцарил на входе, но был еще крепок, словно столетний дуб, и при необходимости помогал эфиопу утихомиривать буйных клиентов. Вот как бы и все. Хотя нет, служанка Адель и кухарка Мадлен жили в городе и на работу в бордель только приходили. А еще несколько тружениц любовного фронта, в

постоянной жизни являясь обычными домохозяйками, подрабатывали по выходным и обслуживали клиентов в масках.

Однако я даже половины упомянутой публики еще не видел, так как торчу почти безвылазно в хозяйских апартаментах. Вот и сейчас… того-этого, торчу. Но не сам, а с хозяйкой – Люсьен выбрала время и приперлась составить компанию, дабы скучно любимому не было. И очень правильно приперлась; с бутылью выдержанного кальвадоса и корзинкой свежего печенья: миндального, ванильного и еще какого-то непонятного, но на диво вкусного.

Надо сказать, что мадам Люська за время нашего недолгого знакомства, говоря казенным языком, зарекомендовала себя с исключительно положительной стороны. Хороша собой и умна, ненадоедлива, в меру болтлива, любится в охотку и как дикая фурия – словом, почти идеальная баба. Почему «почти»? Да потому что в прайсе идеальной женщины есть такая позиция, как преданность. А вот с этим у нас пока проблемы, так как подобное проверяется только практическим путем. А случая еще не было. И дай боженька – не будет. Ибо… ибо не лежит у меня душа к ней, хоть тресни. Чувствую себя, словно пользую чужую вещь без спроса. Оно и к лучшему, все равно здесь долго не задержусь.

– Десятилетняя выдержка… – Люси качнула оплетенной в соломку бутылью и сунула ее мне в руки. – Разливай. Мне его поставляет мэтр Кокус, один из самых крупных торговцев вином в округе.

– Дорого обходится? – я осторожно разлил густоватую янтарную жидкость по бокалам.

– Это в благодарность, – серьезно сказала Люси. – Пять лет назад он взял себе в жены одну из моих девочек.

– Бывает. За что пьем?

– За что? – Люси удивленно поражала плечами. – Это вам, русским, надо обязательно повод. А мы пьем для хорошего настроения. У нас всего один посетитель, основной наплыв начнется где-то через час, вот я и решила провести это время с тобой.

Правда, прозвучало все это с легкой недосказанностью. Да так, что мне сразу стало ясно: Люська пришла не просто поболтать, а с важным для себя разговором. А может, и для меня. Ну что же, пообщаемся.

– Чем не повод? – я отсалютовал бокалом и отпил маленький глоточек. – Хм, действительно, отлично. А теперь говори…

– Ты меня насквозь видишь? – француженка смущенно улыбнулась.

– Нет. К счастью, нет. Потому что в женщине должна оставаться загадка. Пускай и небольшая.

Вот тут я сказал чистую правду. Скорее всего. Так как о своих предпочтениях в бабах могу только догадываться. Клятая память даже не собирается возвращаться. Полный ноль.

– Ты сильно изменился, Алекс, – Люсьен бережно провела ладонью по моей щеке. – Стал мудрее, спокойней, что ли. Но таким ты мне нравишься еще больше. Да, я хотела с тобой поговорить.

– О чем?

– О нас… – тихо произнесла Люси. – Мне очень хорошо с тобой, и я не хочу в очередной раз тебя потерять.

– Я не собираюсь теряться, но…

– Что «но»? – встревожилась женщина.

– Возможно, у меня неприятности… – после небольшой паузы ответил я. – С полицией.

В любом случае с этой проблемой надо было разбираться, а Люсьен как раз могла помочь прояснить ситуацию.

– Из-за того, что ты пристрелил двух ребят Корсиканца? – неожиданно выдала Люси. – Как бы тебе сказать… Мое ремесло подразумевает собой постоянный

контакт с полицией. Так что я об этом знаю. Сегодня с утра узнала. Но тебе особо не стоит по этому поводу волноваться. Пока не стоит.

– Почему?

– Во-первых, ищут некого Бориса Денисова, – начала объяснять Люсьен. – Очень похожего на того клошара[9 - Клошар – пренебрежительное прозвище бродяг, нищих и просто неряшливых людей во Франции.], который несколько дней назад появился у меня в заведении, но сейчас, после того как ты привел себя в порядок, описание с тобой несколько не сходится. Во-вторых – по негласному приказу начальника полиции Марселя, лейтенант-колонеля[10 - Лейтенант-колонель – французское военное звание, равнозначное подполковнику.] де Голара, полицейские как могут саботируют расследование по этому случаю. И так по всем делам, где каким-либо образом затронуты интересы Корсиканца. Они сильно не ладят между собой. Не исключено, что в итоге поладят, так как у Неро сильные покровители, причем, по слухам, в самом правительстве, но пока ты можешь быть спокойным.

– А сам Корсиканец? Скажу честно, я не помню, чем ему насолил, но, видимо, насолил очень крепко, так как его люди хотели меня убить. Не наказать, не стрясти что-либо, а именно отправить на тот свет.

– Действительно, это проблема, – француженка кивнула. – Но для начала, никто не знает, что ты здесь. И в ближайшее время не узнает. В своих людях я уверена. Потом, мы с тобой под защитой Антонио Фьёри, по прозвищу Сицилиец. Тоже явного недруга Корсиканца. Если он влезет на чужую территорию, начнется война, что не в интересах Неро. Он как раз собрался выдвинуться в городской совет и не станет себя в очередной раз компрометировать. Это не значит, что они в итоге не договорятся, но немного времени у нас есть.

– Для чего у нас есть время?

– Для того, чтобы уехать из Марселя… – быстро ответила Люсьен. – Или вообще из Франции. Понимаешь, я не хочу, чтобы моим детям пеняли в лицо, что их мать содержательница борделя. Я скопила немного денег, дом можно продать за хорошую цену, так что на первое время нам хватит с головой.

– Нам?

– Да, нам, – решительно кивнула Люси, с надеждой заглядывая мне в глаза. – Конечно, если ты согласишься.

– У меня нет никаких документов… – не зная, что ей ответить, я решил потянуть время.

– Есть варианты.

– А раньше ты со мной на эту тему говорила?

– Нет… – едва заметно смутившись, мотнула головой француженка. – Никак не могла решиться, а потом ты исчез.

«Врешь, – мелькнула у меня мысль. – Говорила. Возможно, даже не раз. И получила отлуп. В самом деле, что может связывать блестящего героя офицера, русского дворянина, кавалера всяческих наград, с обычной содержательницей публичного дома? Пускай даже и очаровательной. Правильно, ничего кроме полового сношения без обязательств. А теперь, когда я ни хрена не помню и полностью зависим от тебя, решила попробовать еще раз. Ну и как ответить? С одной стороны, все в тему, а с другой… Даже не знаю, что сказать. Не мое это. Обижать бабу не хочется, поэтому надо тянуть время…»

– Хорошо, Люси. Я подумаю над этим. Серьезно подумаю.

– Отлично! – француженка вспыхнула от радости, видимо разглядев в моем лице нечто для себя обнадеживающее. – Я тебя люблю, милый! Как насчет Америки?

Совсем было собрался осадить ретивую француженку, но не успел, потому что за дверью стеганул выстрел. И сразу же еще один…

– Ой! – испуганно пискнула Люси.

Я молча нырнул рукой под подушку, достал «наган» и взвел курок. Ну уж нет, так просто в руки не дамся. Жалко, патронов всего семь. Но посмотрим…

Люсьен быстро положила мне на плечо руку:

– Подожди! Скорее всего, это не головорезы Корсиканца. Слышишь, Мей орет. И еще кто-то один. Странно, Захер и папаша Рене должны были его угомонить.

Действительно, из коридора стал прорываться истошный женский визг и такие же визгливые вопли какого-то мужика.

Тьфу ты…Сомневаюсь, чтобы посланцы этого Франциска стали бы поднимать такой шум. А я уже тут героически умирать собрался.

– Поможешь? – жалобно попросила Люси.

– Помогу… – пришлось согласиться. Ну а как? Отказать после того, что она сделала для меня, было бы просто свинством.

– Идем, – хозяйка приоткрыла дверь, прислушалась и выскользнула из комнаты.

– Иду… – буркнул я сквозь зубы и пошел за Люси.

– Только убивать клиентов нежелательно.

– А как?

– Прибить можно.

– Понятно…

Француженка пробежала по коридору, остановилась перед очередной дверью, посмотрела в щелку и поманила меня пальчиком.

– Здесь, он прямо здесь, это тот матрос с британского судна! Вот же жирная сволочь! Надо было ему отказать…

Я тоже глянул, но в полутьме толком ничего не рассмотрел. В целях экономии в зале для знакомств горела только пара тусклых лампочек. Зато было все прекрасно слышно…

– А-а-а, матьвашусукутакую, а-а-а, косоглазыечерномазыеобезьяны… – визгливо вопил высоким тенором какой-то мужик. – Убьюзарежутрахну…

– Ии-и-и!!! – пронзительно вторила ему женщина. Не останавливаясь ни на секунду, на одной тональности. У меня едва волосы дыбом не встали.

Судя по заплетающемуся языку и голосу дебошира, я представил его себе в стельку бухим, тщедушным коротышкой. Почему-то с редкой козлиной бородкой. Девушку представлять нужды не было – ее уже мельком видел. Миниатюрная, кукольно-красивая китаянка с длинными прямыми волосами до задницы. Симпатичная девица. Но с такой порочной мордашкой, что сразу вспоминается присказка: клейма негде ставить.

Голоса слегка удалились от двери. Молясь, чтобы этот урод стоял спиной ко мне, я выдохнул и осторожно повернул дверную ручку. Выставил револьвер, глянул и тут же про себя выругался.

Картина открылась прямо-таки эпическая…

Матрос оказался не тощим коротышкой, а просто громадным жирным амбалом. С лысой башкой, абсолютно голый, весь покрытый рыжей густой шерстью, он тряс пузом, орал и тыкал пистолетом в сидящего на полу эфиопа. А в левой руке держал продолжающую верещать китаянку, намотав на кулак ее шикарные волосы.

Захер морщил лоснящуюся черную рожу, с ненавистью щерился на бритта, но вставать не спешил, держась обеими руками за окровавленную правую ногу.

Папаша Рене нигде не просматривался. Остальные девочки тоже не показывались из своих комнат.

Меня амбал не видел, так как был полностью занят устрашением эфиопа.

Выглядел он самым мерзким образом. А настроение у меня было омерзительней не бывает. Поэтому решил без особых затей пристрелить бритта. Просто пустить пулю в покрытый складками жирный затылок и все. К тому же в голове крутились какие-то смутные отрывки из написанных сугубо казенным языком

инструкций, которые мне позволяли это сделать. Даже прямо приказывали.

Уже прицелился, но услышав шипение Люси за спиной, опустил револьвер, перехватил его за ствол, в два коротких шага подскочил к амбалу и изо всех сил саданул его по башке рукояткой.

Толстяк хрюкнул, как-то сразу стал меньше ростом, выпустил из рук пистолет и китаянку, а потом неловко, словно каракатица, начал медленно разворачиваться ко мне всем телом.

– Ага, сейчас… – я не стал ждать, примерился и двинул еще раз, попав матросу чуть повыше уха.

Этого уже вполне хватило. Бритт медленно осел и затих на полу без движения.

– Руки в гору, островная обезьяна! – в зал, стуча протезом, ворвался папаша Рене, целясь в нас из лупары[11 - Лупара – неполный обрез охотничьего ружья, при изготовлении которого несколько укорачивается блок стволов, но иногда сохраняется приклад.] впечатляющего калибра. – Завалю, урода!

Старикан, заметив, что дело уже сделано, сотворил виноватую рожу и ловко взял обрез на караул.

Из комнат, наконец, стали выглядывать девочки, но, наткнувшись на взгляд Люсьен, тут же прятались обратно. Китаянка Мей, словно ничего не случилось, поднялась с пола и спокойно ушла к себе, на ходу поправляя волосы.

– Ты просто герой! – Люсьен прижалась ко мне и чмокнула в щеку.

– Ага, такой, – я достал из кармана носовой платок и взял им с пола пистолет. – Пожалуй, это я оставлю себе.

– Конечно, оставляй! – француженка не отрывала от меня влюбленных глаз.

– И часто такое случается?

– Бывает, – обыденно пожала плечами Люси. – Особенно с иностранными матросами; чаще всего с британцами и американцами. Мне кажется, они презирают остальные национальности. А девочек вообще считают людьми второго сорта.

«Не удивлен, – подумал я. – Отчего-то совсем не удивлен. Помешательство на собственной исключительности у них давно началось. У англов особенно…»

– Плохие люди, – поддакнул Захер и, болезненно морщась, встал с пола. – Совсем плохие. Прямо не люди.

– Что дальше?

– Сейчас глянем, что у него в бумажнике, потом свяжем и сдадим полиции, – ответил за хозяйку папаша Рене. – А в кутузке этой островной обезьяне порвут задницу. Гы-гы… Бриттов у нас любят…

– Британский своличь! – сильно коверкая французский язык, прошипел чернокожий, прихрамывая подошел к бритту и смачно плюнул на него. – В моя стрелить! Моя ничего не сказать, а он сразу стрелить!

– Пистолет себе заведи и сам стреляй.

– Пистолет? – Захер почесал похожим на сардельку пальцем затылок. – Наверное, надо. Бывают совсем плохие люди. Не хотят разговаривать, сразу стреляют.

– Вот-вот. Что с ногой?

– Царапин, – небрежно махнул рукой эфиоп. – Спасибо, хозяин! Спасать меня. А этот своличь… – Захер состроил зверскую рожу. – У-у-у, хочу убить! Жалко, нельзя…

– Так обоссы его, – машинально посоветовал я. – Легче станет.

И сам охренел. Откуда это взялось?

– Куда? – негр недоуменно прищурился. – Почему легче?

– Ну ты и тупой, черномазый, – папаша Рене весело заржал, достал из кармана бухточку веревки и принялся ловко путать руки и ноги британцу.

– Я не тупой, – обиделся эфиоп, но тут же расплылся в широкой улыбке. – А-а-а… моя понять…

И потянулся к ширинке.

– Не здесь, тупица! – рыкнул на него старикан. – Ну… берись за ноги…

А мы с Люськой отправились допивать кальвадос. Правда, она почти сразу ушла принимать посетителей. И закончила с делами только под утро.

Надо сказать, я даже обрадовался приключению, так как уже стал тяготиться вынужденным бездельем. Опять же, прибыль какая-никакая.

И немалая: мне достался новенький американский «кольт», модели 1911 года, под аутентичный патрон .45 Auto, полный запасной магазин к нему, и шестнадцать фунтов стерлингов. Эфиоп и ветеран взяли себе всего по фунту с мелочью, а остальной трофей, признавая главную роль в виктории, отдали мне. Вдобавок, во ознаменование спасения, китаянка подарила вполне приличные серебряные наручные часы швейцарской фирмы «Омега», которые сперла у какого-то клиента.

А еще я понял, что в своей прошлой жизни был полицейским. Или военным. Скорее всего, военным. Почему-то очень не люблю британцев и имею опыт пользования «кольта». Руки вспомнили, когда разбирал его для чистки.

Ну хоть что-то…

Глава 4

Франция. Марсель. Район Старого порта.

Публичный дом «У веселой вдовушки».

10 декабря 1919 года. 20:00

Большой вороненый пистолет с легким шуршанием выпрыгнул из кобуры и уже через мгновение уставился в скулу молодому мужчине с холодными зелеными глазами, сильно контрастирующими своей жесткостью с его слишком красивым лицом.

– Гут… – я кивнул своему отражению в зеркале и убрал «кольт» обратно в кобуру. Хват правильный, автоматический предохранитель срабатывает надежно, ствол соосен предплечью, движения плавные, локоть не гуляет, а левая рука работает в нужной смычке с правой. Словом – доволен. А было совсем плохо; клятая тушка поручика поначалу сопротивлялась как могла, то и дело норовя убрать левую руку за спину, согласно каких-то там архаичных армейских правил стрельбы. Пришлось повозиться, но сломал чертовы остаточные рефлексы прежнего хозяина тела. Правда, особой скорости до сих пор нет, зато начал нарабатываться автоматизм.

Да, тренируюсь я, в прямом смысле упиваясь своими возникшими из небытия умениями. Кобуру мне сшил папаша Рене, оказавшийся великолепным кожевенником, он же достал сотню патронов сорок пятого калибра к «кольту», а к «нагану» – вообще целое ведро. Ну… небольшое такое, больше похожее на цветочный горшок, но с горкой. И все это за совершенно небольшие деньги. Не знаю, зачем мне столько, но, согласно одной известной истине: боеприпасов мало не бывает. Теперь самое время попрактиковаться в реальной стрельбе, но толком негде. Пару магазинов я отстрелял в подвале, на этом и ограничился, потому что едва не оглох. Да и маленький он оказался для правильных тренировок. Так, только оружие опробовать.

Впрочем, если бы это была самая главная проблема. Их и так целый букет.

Со здоровьем немного наладилось, зато Люсьен за глотку берет. Уже нашла покупателя на особняк, готовится сообщить девочкам, что дело закрывается, даже вопрос с документами почти решила, а я своего согласия так пока и не

дал. Конечно же, можно слукавить, убраться с ней из Франции куда-нибудь, а там кинуть и махнуть в Россию, но платить дерьмом за доброту не хочется. Вот и отговариваюсь как могу. Но долго так длиться не может. Во-первых, Люська не дура, сразу все поймет, а во-вторых – дальше время тянуть некуда. И так по лезвию бритвы хожу. Того и гляди, братва Корсиканца пожалует. Или полиция. Что будет несколько лучшим вариантом. Но ненамного.

В общем, придется сегодня вечером все честно ей сказать и валить куда подальше. Вот только куда?

Чтобы заглушить дурные мысли в голове, совсем уже было собрался приступить к отработке извлечения оружия с одновременным уходом с линии огня, как в коридоре раздались шаги, а потом кто-то тихо и деликатно постучал в дверь.

– Черт… – я быстро вставил полный магазин в пистолет и загнал патрон в патронник. – Кто?

– Я… Это я… – встревоженно зачастил хрипловатый женский голос. – Госпожа Люсьен просит вас срочно прийти. Там такое, такое…

– Сейчас.

На пороге стояла служанка Матильда, молодая полная девушка с миловидным личиком. Правда, довольно глуповатым.

– Что?

– Хозяин!.. Там такое, такое… – девушка трагично заломила руки. – В общем, вам надо срочно прийти.

– Бля… – ругнулся я на великом и могучем. Такое обращение слуг неимоверно бесило. – Ты можешь внятно сказать, что случилось?

Но получил в ответ только малоразборчивый поток несвязных объяснений, из которых так ничего и не понял. Постоял немного, плюнул, накинул пиджак, скрывая кобуру, и вышел из номера. Матильда явно не блещет интеллектом, да еще находится в полушоковом состоянии, так что добиваться от нее чего-то

внятного бесполезно. Гляну, от меня не убудет. Не стреляют, воплей тоже не слышно – уже хорошо. Видать, действительно что-то экстраординарное стряслось. С обычными буянами эфиоп и ветеран на раз справляются.

Матильда привела меня к единственным в борделе апартаментам класса люкс. Ну как люкс? Кровать с балдахином, матрас не продавленный, на полу ковер, на стене картина, да люстра вместо абажура. Вот и вся роскошь. Но не суть.

На софе испуганно сжалась довольно симпатичная дама лет сорока возрастом в разодранном пеньюаре, с распатланными волосами и пылающим лицом. По разгромленному номеру разъярённо расхаживал сухопарый лысый мужик в одних подштанниках, с ножкой от сломанного стула в руке. Между ними, широко распахнув руки, торчал Захер. Люсьен стояла в углу, закрывая ладонью себе рот. Мне почему-то показалось, что она едва удерживается от смеха.

«Не понял… Дамочка вроде как из тех, кто работает, скрывая лицо, потому что вон она, та маска, на полу валяется? Что не так? Какого лысый возмущается? И эфиоп, вместо того чтобы взять его и вышвырнуть, ведет себя, словно футбольный вратарь на воротах. Ладно, попробую выяснить…»

– Месье…

– Что вам угодно? – мужик резко обернулся ко мне.

– Вы позволите узнать природу вашего возмущения?

– Карл! – пискнула дамочка с софы.

– Заткнись, дрянь! – немедленно рыкнул лысый и сделал очередную попытку проскочить мимо Захера. Но опять безуспешно. Эфиоп мастерски контролировал каждое его движение.

– И все-таки.

– Она моя жена! Ясно? – яростно выкрикнул мужик и тут же поправился более спокойным тоном: – Уже бывшая жена! И мертвая! Задавлю, шлюху, своими руками!

Вот здесь, честно говоря, я растерялся. Ну а мы-то при чем? Пускай у себя дома разбираются. И вообще, лысый в своих правах. Пришел побаловаться с гулящей девкой, а жрица любви родной женой оказалась. Любой взбесится от такого афронта. Даже жалко его слегка. И ее, как ни странно. Может, попробовать разрулить?

– Месье, я понимаю вас…

– Спасибо за участие, – бросил лысый, расхаживая по номеру аки тигр разъярённый.

– Но, может быть, дадим слово мадам? Уверен, она сможет объяснить сложившуюся ситуацию, – не особо веря в успех, предложил я.

– Смогу… – всхлипнула женщина. – Еще как смогу…

– Она сможет, месье Габен, – поддакнула Люси. – Уверяю вас.

– Лучше уберите куда-нибудь этого черномазого, – попросил мужик, пропуская наши слова мимо ушей. – Иначе я за себя не ручаюсь.

– Уберу, – с готовность согласился я. – Но только после объяснений вашей супруги. Идет?

– Бывшей, – быстро поправил меня мужчина. – Но пусть скажет. А потом я сверну ей башку.

Люси ободряюще кивнула женщине, а я всерьез озадачился, гадая, как будет выкручиваться уличенная изменщица.

Дамочка утерла нос рукавом пеньюара и заговорила резким злым тоном:

– Карл Эмиль Габен! Я давно знала, что ты ходишь в этот бордель!

– Не твое дело! – высокомерно бросил мужик. – Куда хочу, туда и хожу.

– Мое! – холодно возразила женщина. – Я знала это, но терпела, потому что до сих пор люблю тебя.

– И поэтому решила подработать передком? – скривился Габен. – Изабель, придумай что-нибудь получше.

– Идиот! – рявкнула дама. – Неужели ты думаешь, что я вышла бы к собственному мужу?

– А ты и не знала! – запальчиво выкрикнул мужик.

– Знала, – спокойно подтвердила Люсьен. – Работающие инкогнито дамы имеют возможность сначала рассмотреть клиентов.

– И это не всё, – чеканила слова Изабель. – Я надушилась твоими любимыми духами, хотя меня от них блевать тянет, и надела пеньюар, как раз в том цвете, который тебе нравится. И все это для того, чтобы ты выбрал именно меня.

– Но зачем тебе это? – ошарашенно спросил у жены Габен. Запала в его голосе заметно поубавилось.

– И позволила тебе то, что не позволяла ни разу за всю супружескую жизнь! – торжествующе продолжила дама. – Признайся, ты был в восторге? Не так ли?

– Гм… – мужик заметно смутился. – Но…

– Какой сегодня день? – Изабель соскочила с софы, оттолкнула Захера и стала напротив мужа, воинственно уперев руки в талию. – Отвечай, Карл Эмиль Габен!

– Десятое декабря… – Габен растерянно оглянулся на меня. – Если не ошибаюсь…

– Именно, – дама зловеще улыбнулась, – именно в этот день мы с тобой познакомились на балу в мэрии ровно двадцать лет назад.

– А не восьмого? – вяло засомневался мужчина.

– Нет, десятого! – презрительно процедила Изабель. – В отличие от тебя, я все помню. И решила сделать тебе подарок в честь нашего знакомства. Потому что все еще люблю. Но эта гадская резинка неожиданно лопнула… – дама пнула маску ногой. – А так ты бы ничего и не заметил. Бесчувственная скотина…

– Очень даже чувственная…

– Сволочь!

– Изабель!

– Похотливый самец!

– Мой котик… – Габен уронил ножку от стула и брякнулся на колени.

– Развод так развод.

– Милая…

– Обдеру как липку. Без штанов останешься! И детей заберу!

– Прости…

Люси сделала мне знак рукой и вышла из комнаты. За нами потопал Захер, бубня на ходу:

– Ай какой женщина! Какой женщина умный…

Уже в нашей комнате я поинтересовался у Люсьен:

– Что это было?

– Месье Габен наш постоянный клиент, – спокойно ответила француженка. – К тому же богат и влиятелен. Так что бить его по голове и выбрасывать на улицу было нельзя.

– А она?

Люси хихикнула:

– Она тоже.

– Что?

– Тоже постоянный клиент. Изабель здесь разнообразит тусклую семейную жизнь. Роль проститутки ее возбуждает. А всю оплату за свои услуги отдает мне.

– Гм…

Француженка расхохоталась:

– Нет, в данном случае Изабель говорила чистую правду. Она действительно хотела сделать такой подарок мужу. Но что-то пошло не так. А ты как всегда был великолепен. Кстати, я все узнала про документы. У нас два варианта…

Меня неожиданно неприятно резануло слово «нас». Вот что с ней творится? Создала себе иллюзию, и теперь неизвестно как среагирует, когда я откажусь. Обманутая в своих ожиданиях женщина способна на любую пакость. Вот же черт…

– Можно купить гражданство Аргентины, – продолжила Люсьен. – В Марселе есть их консульство. Обойдется это недешево, примерно в пятьсот американских долларов, зато паспорт будет самый настоящий. Причем на любую фамилию, какую ты укажешь, и никто не будет интересоваться твоим прошлым. И главное, один из секретарей консульства мой клиент, так что не придется туда идти.

– У меня нет таких денег.

– У меня есть. Не переживай, милый, – Люси улыбнулась.

– Какой второй вариант? – стараясь не выдать злости, спросил я.

– Купить один из краденых. В Марселе таких хватает. Обойдется это в сущие пустяки, но есть шанс попасться полиции.

– Подумаю, – с трудом выдавил я из себя. Очень хотелось прямо сейчас сказать ей правду, но что-то так и не дало мне это сделать.

Видимо, почувствовав мое состояние, Люси успокаивающе сказала:

– Я сегодня закроюсь пораньше, все равно все девочки отпросились в ресторанчик по случаю дня рождения Элизы. До утра их не будет. Проведем вечер вместе, заодно обсудим наши дела. Хорошо?

– Хорошо…

Пока она отсутствовала, я на всякий случай собрал свой нехитрый скарб, прекрасно поместившийся в небольшой матросский баул.

– Вроде все… – я отложил собранный баул, капнул себе в стакан кальвадоса и раскурил сигарету. – Где вы, мадам Минаж? Хорошая ты баба, но, увы, нам с тобой не по пути.

Долго ждать не пришлось.

– Люси…

– Да, милый, – Люсьен открыла бар и зазвенела бокалами. – Тебе кальвадос или попробуешь ба-карди?

– Люси… Я не могу уехать с тобой.

Француженка резко обернулась. По ее лицу пробежала целая гамма эмоций: от жуткого разочарования до свирепой злости.

– Почему?

– Потому что рано или поздно все равно вернусь в Россию. Мое место там.

– Ты никогда не любил меня… – опустив глаза, тихо и печально сказала Люси.

– Люсьен…

– Выметайся!.. – резко бросила француженка и направилась к выходу из комнаты, на пороге бросив: – Через час чтобы духа твоего здесь не было.

Аккомпанементом словам послужил грохот двери. – Что и требовалось доказать, – я аккуратно затушил сигарету в пепельнице и встал. – Тем лучше…

Действительно, после объяснения стало гораздо легче. Вперед, поручик Аксаков, тебя ждут великие дела. А здесь нам уже не рады.

Костюм и пальто придется оставить, так как в приличном обществе мне показаться еще долго не светит. А вот байковая рубашка, толстый свитер, вельветовые брюки, добротные высокие ботинки и слегка потертая рыбацкая куртка на меху из кожи какого-то морского зверя – будет самое-то. И длинный шарф с вязаной шапочкой. Может, за моряка и сойду. Кобуру с «кольтом» на пояс, запасной магазин в кармашке туда же. Наваху в карман, а «наган» в сидор. Пусть там пока полежит. Бумажник на месте. Надо еще в карман десяток патронов россыпью закинуть. На всякий случай, магазина-то всего два. Теперь точно все. Пора валить.

Куда? Как вариант, завербоваться матросом на какое-нибудь судно, коих в порту Марселя чуть больше чем до хрена. Правда, до них еще добраться нужно, но будем надеяться, что все получится. Без надежды на удачу нечего и начинать. А дальше… дальше будет видно. Но от идеи вернуться в Россию я отказываться не собираюсь.

Вот и весь план до копейки. Все очень просто и одновременно очень сложно.

– Спасибо этому дому, пора к другому… – я закинул на плечо баул, вышел из комнаты, спустился по лестнице на первый этаж и уже перед дверью в холл неожиданно услышал разговор.

– Гастон, ты ничего не перепутал? – раздраженно звенел голос Люсьен. – Если Антонио узнает, что вы сюда вломились, ваши прыщавые задницы не спасет

даже сам Корсиканец.

– Сицилиец в курсе, – втолковывал ей грубый мужской голос. – Так что уйди с дороги, Люси, и дай нам обыскать бордель. А еще лучше проведи туда, где спрятала этого русского.

– Твою ж мать… – я быстро вернулся на второй этаж и глянул на холл в маленькое смотровое окошко, через которое девочки высматривали клиентов.

С Люсьеной разговаривал коренастый тип в рыжем кожаном плаще и в надвинутой на самый нос клетчатой кепке, поэтому его лицо рассмотреть не получалось. За спиной гостя торчало еще пятеро мужиков, по своим габаритам и мордам очень смахивающих на портовых грузчиков или быков из силовой поддержки. Захер стоял рядом с хозяйкой, но было совершенно ясно, что в случае конфликта справиться с гостями самому шансов у него никаких нет. Ствол-то он себе завел, но иметь при себе оружие и уметь им пользоваться совсем разные вещи.

«И старикан с лупарой, как назло, куда-то запропастился. Вот и приехали, – с досадой подумал я. – Сам виноват. Не хрен было столько здесь торчать. Ну хоть не сдала с потрохами. Есть время для маневра…»

– Да нет здесь никого, говорю! – разъяренно заорала Люси. – Пошли вон, иначе…

Но не договорила – тот, которого она назвала Гастоном, наотмашь залепил ей пощечину. Захер бросился на него, но сразу же рухнул ничком на пол, схлопотав револьверную пулю почти в упор от одного из быков.

– Леру, Жан, Фабио… – быстро скомандовал Гастон, даже не посмотрев на бившееся в судорогах тело Захера у своих ног. – Ваш второй этаж. На чердак заглянуть тоже не забудьте. Робер, Люк – ваш первый. Подвал обязательно проверьте. И поосторожней; русский очень опасен. А я пока пообщаюсь с этой сучкой. Уверен, она его где-то прячет.

– Будь ты проклят! – взвизгнула Люси и выхватила из корсажа маленький пистолетик.

Но выстрелить не успела.

Револьвер громыхнул второй раз – француженка рухнула рядом со своим телохранителем. Под обрамленной ореолом разметавшихся локонов головой стало быстро расползаться алое кровавое пятно.

«Ты чего натворила, дурочка?!! – едва не взвыл я. – Зачем? Я сам бы справился…»

Но сразу же взял себя в руки. Дикая ярость сменилась холодным расчётливым спокойствием.

Они. Все. Сейчас. Умрут.

А следующим в ад отправится Корсиканец.

За время вынужденного безделья я хорошо изучил особняк, поэтому план сложился сам по себе. Наган в бауле на самом дне, времени доставать его нет, но он и не понадобится.

Сбросил сидор на пол, стараясь не топать, пробежался по коридору и стал спиной к стене за поворотом. На второй этаж ведут две лестницы: с левой и с правой стороны. А эти идиоты как раз направились к правой. Так тому и быть. Встречу здесь…

Очень скоро послышались тяжелые шаги и негромкий разговор.

– Нехорошо получилось… – бубнил сиплый голос. – Будут проблемы. Сицилиец предъявит за Люсьен…

– А что, надо было ждать, пока она пальнет? – хрипло возмутился второй мужик. – Хотя да, скверно. Она-то тут ни при чем. Перестарался Робер. Черномазый куда ни шло, а вот…

– Это не наши проблемы, – зло оборвал его третий. – Корсиканец сам разберется с Антонио. Внимательно, заходим.

– Да сбежал он уже давно. Нечего было с той сукой разговаривать.

– Забыл, что на улице Гийом с Фернаном? И убери ствол от моего бока, козел. Держимся вместе, не разделяемся. Фабио, твоя правая сторона, моя левая. Люка, приотстань и посматривай за тылом. В комнаты будем заходить по моей команде…

«Пора…» – я выдохнул, шагнул из-за угла и почти в упор влепил по пуле в грудь первым двум браткам. Ни один из них так и не воспользовался своим оружием. Третий – находился от меня слегка поодаль, поэтому все-таки сумел вскинуть револьвер, но тут же получил кусочек свинца в томпаковой оболочке, чуть повыше солнечного сплетения, и опрокинулся навзничь.

Ни в одном из случаев правки не потребовалось – сорок пятый калибр сделал свое дело. Не исключаю, что кто-то из братков еще оставался жив, но, по факту, уже был полностью небоеспособен. А править начисто у меня нет времени и лишних патронов.

Итак, минус три… Внизу осталось еще трое. И сколько-то на улице. Уже терпимей…

Сердце бухало как барабан, но никакого волнения я не испытывал. Моральных терзаний от того, что отправляю живых людей на тот свет – тем более. Даже наоборот, испытывал некое удовлетворение от хорошо сделанной работы. Работы, по которой… даже не знаю, как сказать… Соскучился, что ли?

Перезарядившись, подобрал оружие с пола и, на ходу заталкивая в полупустой магазин патроны из кармана, перебежал к балкону, откуда мог контролировать все подходы к себе.

Так, на месте. Что там у нас? Выглянул, чтобы оценить обстановку, и сразу же убрал голову обратно. К счастью, потому что уже через мгновение пули с треском замолотили по резным деревянным балясинам.

«Ага… последние трое еще в холле. Прячутся за мебелью. Тем лучше…»

Чтобы гостям жизнь малиной не казалась, вытащил из кармана один из трофейных револьверов и не высовываясь отстрелял весь барабан примерно в их направлении. После чего сбросил пустой ствол и вернулся к смотровому окошку.

Мужик в рыжем реглане распластался за диваном и азартно палил по балкону из небольшого пистолета. Рядом с ним примостился второй браток, в свою очередь, активно внося лепту в дело уничтожения архитектурных изысков. А вот третий, немного в стороне, прятался за перевернутым столом с толстой столешницей из дубового массива и как раз перезаряжался, быстро и ловко выбивая стреляные гильзы из барабана. Не забывая при этом бдительно вертеть башкой по сторонам.

Ты смотри, какой шустрый. И как быть? Так можно с ними перестреливаться до бесконечности. А времени особо нет; полиция с минуты на минуту примчится. От такой канонады небось весь квартал на ушах стоит. Если не решу вопрос быстро, как минимум попаду за решетку. А оно мне надо? Пора кончать с этим делом…

Несколько раз глубоко вздохнув, я аккуратно отжал ставню клинком складня, просунул ствол в щель и, стараясь не частить, отстрелял весь магазин по браткам.

Громыхнул последний выстрел, «кольт» с лязганьем стал на затворную задержку.

Главный без движения застыл на полу, расплескав содержимое башки по вытертому до основания персидскому ковру.

Его сосед, выгибаясь дугой и яростно суча ногами, примостился рядом с ним. А вот последний…

Последний оказался до неприличия шустрым и ушел от пуль, резвым козликом сиганув за одну из колонн, поддерживающих балкон, а потом перекатился и нырнул рыбкой за стойку бара. При этом по пути даже отстрелялся в мою сторону, безошибочно определив, откуда по нему палят.

– Бля… – матюгнувшись от злости, я быстро сменил магазин и перебежал обратно к лестнице.

Теперь ему из-за стойки никуда хода нет. Только воевать до последнего. Вот и посмотрим…

Ступенька, еще одна, третья, четвертая… Не спуская с прицела бар, я стал спускаться вниз.

Робер, а это оказался тот браток, что убил Люси с эфиопом, высунулся, когда я дошел до середины лестницы.

Выстрелы громыхнули почти одновременно, но я остался на ногах, а содержимое башки бандита забрызгало стройные ряды бутылок на полках.

– Твою дивизию… – с трудом удерживаясь, чтобы не зайтись в кашле, перевел дыхание и только сейчас почувствовал, что весь взмок. Мало того, ноги налились свинцовой тяжестью, руки ощутимо дрожали, а сердце словно пыталось вырваться на свободу из грудной клетки. А что будет, когда начнется адреналиновая ломка?

Казалось бы, есть повод погордится собой, потому что победил и выжил, но на самом деле все очень скверно. Да, стрелял и попадал, хотя новое тело нещадно тормозило, но до приличной формы мне как до Москвы пешком. Поручик был боевым офицером, резался с германцами не щадя жизни, не исключаю, что забрал не один десяток вражеских жизней, но то, что умел он, имеет очень мало общего с тем, что умел я в своей прошлой ипостаси. О которой могу только догадываться, черт бы ее побрал, эту амнезию. И потребуется немало усилий, чтобы вернуть себе прежние умения.

По правде, спасло только то, что братки даже рядом не стояли с профессионалами. Хотя откуда они возьмутся, те боевики-профи, в самом-то начале двадцатого века? Это уже позже начнут массово плодиться спецслужбы, где будут с нуля поднимать и оттачивать боевые дисциплины, а пока как таковой специальной школы даже в помине еще нет. Да, людей с реальным боевым опытом громадное количество, все же мировая война только-только кончилась, многие из них прекрасно стреляют, но это совсем не одно и то же. Впрочем, природных самородков всегда хватало, последний браток тому живой пример. Шустрый, зараза. А ведь мог и достать.

Я машинально повертел пальцем в проделанной револьверной пулей дыре в поле куртки, потом метнулся к входной двери, запер ее на засов, по пути подобрал свой баул и, на всякий случай убравшись с открытого места, озадачился эксфильтрацией.

Ничего еще не кончилось. Далеко не все. Насколько я понял, на улице осталась парочка братков. А вот как быть с ними, даже не представляю себе. Из борделя есть два выхода – через центральный и черный ход. И скорей всего, оба они под наблюдением. Шлепнут, едва высунешься. Окна первого этажа наглухо закрыты ставнями, через них тоже быстро не уйдешь. Разве что со второго сигать, а это добрых шесть-семь метров высоты. Если не больше. Или через чердак на крышу, а потом на соседнее здание. Есть такая возможность, я проверял. Но и тут без навыков акробатики не обойтись. Придется выбирать. Другого выхода, в прямом и переносном смысле, у меня нет.

Глянул на часы и сообразил, что с момента начала пальбы прошло едва ли больше пятнадцати минут. Вряд ли нынешняя полиция блещет чудесами оперативности, но тянуть время все равно не стоит.

Прислушавшись, не ломится ли кто-нибудь в дверь, я подобрал пистолет главного, вытащил из внутреннего кармана его пальто бумажник, а потом подошел к Люси.

– Ты же меня выгнала. И считала, что права. Зачем тогда спасала? Зачем рисковала? Не понимаю. Но отомщу. Пусть это будет моей благодарностью тебе.

Сказал, развернулся, только сделал пару шагов, как услышал какой-то шорох за одной из дверей первого этажа. Не понял? Черный ход заперт на ключ. С улицы через него братки проникнуть внутрь не могли? Тогда кто? Старикан?

– Выходи, я тебя слышу, – негромко рыкнул я и взял на прицел дверь.

– Алекс? – в проеме нарисовалась коренастая фигура папаши Рене. – Матерь божья! Это ты их всех? Ну дела… Видно, ты сильно нагадил Корсиканцу, если они полезли на территорию Антонио. Этого он им ни за что не спустит.

– Снаружи должно было находиться еще пару человек.

– Забудь. Меня Люси отправляла с поручением, а уже на обратном пути, возле дома, я как раз на них наткнулся, – ветеран ухмыльнулся и продемонстрировал жуткого вида окопный нож с окровавленным клинком. – Щенки думали, что у папаши Рене не найдется для них гостинца.

– Люси убили. И Захера…

– Что? Вот дерьмо! – яростно прорычал старик, провел взглядом по трупам, охнул, стуча протезом, метнулся к телу хозяйки, присел рядом и приподнял ей голову. – Ублюдки! Подожди-ка… – и словно не веря самому себе, протянул: – Да она еще… она…

– Что?

– Да она жива! Святые сиськи! – радостно булькал старикан. – Дышит! Лоскут кожи с головы пулей содрало, да и все. Признаюсь, я хотел сказать, чтобы она гнала тебя взашей, но Люси была так счастлива… Э-эх, да что там говорить…

Я невольно перекрестился. Тоже хорош, дурень, мог и пульс пощупать, а так уже похоронил. Ну хоть одна хорошая новость. Не заслужила она смерти. Но умиляться счастливому воскрешению некогда…

– Ты позаботишься о Люси? Мне надо срочно уходить…

Фразу оборвал мощный стук во входную дверь, после чего раздался зычный рык:

– Откройте, полиция!

– Папаша!

– Сейчас, сейчас… – старик с кряхтеньем встал и поковылял в глубь борделя. – Идем. Там внизу есть ход в тоннели старой канализации.

Уже подвале он сдвинул большую бочку из-под вина и поднял скрытый под ней люк.

– Спасибо, папаша Рене.

– Не за что, – старик хлопнул меня по плечу. – Ты хороший парень, Алекс. Захочешь меня найти, приходи в таверну «Пьяная русалка». Это в Старом порту. Я там бываю вечером по средам и пятницам. Хотя лучше пошли кого-нибудь, самому тебе не стоит светиться. Смотри, после того как спустишься вниз, иди прямо, никуда не сворачивая, в сторону сквозняка, и выйдешь к большому залу. В нем встретишь несколько клошаров, они там устроили себе ночлежку. Главный у них Доминик Красавчик, обращайся к нему. Да, народец не самый приветливый, но, если скажешь, что от Рене Колючки, то есть от меня, должны помочь. Они сами по себе, вообще никого не признают, так что будь спокоен, не выдадут. Правда… могут и зарезать, если не приглянешься. В общем, удачи тебе. Вот фонарь. Керосина хватит надолго, сам вчера заправлял. И это возьми… – папаша Рене снял с притолочной балки связку копченых колбасок, потом из-за пазухи достал плоскую флягу и сунул все это мне в руки. – Все что могу. А мне пора.

Я кивнул в ответ и без лишних слов полез вниз…

Глава 5

Франция. Марсель.

Тоннели старой канализации.

11 ноября 1919 года. 01:10

Едва спустился по изъеденной ржавчиной лестнице, как люк захлопнулся, а вокруг мгновенно наступила сплошная темнота.

От души выматерившись, нашарил в кармане спички и стал пробовать на ощупь разжечь фонарь. Несмотря на архаичную и заумную конструкцию, справился на удивление быстро, затем поднял лампу повыше и огляделся.

Обшитый мелким кирпичом сводчатый потолок и плотно заросшие плесенью стены, склизкий пол сложен из каменных плит с уклоном в середину – тоннель как тоннель, ничего особенного. Сыро, пованивает нечистотами и…

– И холодно… – буркнул я, достал подарок папаши и отхлебнул из фляги добрый глоток ядреного пойла под названием самогон обыкновенный. – Не хватало еще опять простудиться.

А еще что-то подсказывало: я в подобных местах раньше бывал. И довольно часто. Не знаю, было ли это занятие моим увлечением, либо служебной необходимостью, но под землей я не испытал никакого дискомфорта. Наоборот, чувствовал себя более чем уверенно. Интересное наблюдение. Никак спелеологом был? Правда, с остальными моими умениями сия профессия не очень вяжется.

Перед тем как отправиться, глянул, что за ствол затрофеил у пахана. Маркировка на затворе услужливо подсказала, что это «маузер», только не тот, что «мечта комиссара», а вполне компактный пистолет модели 1910 года под патрон 6,35 на 15. Почти новый, очень качественно изготовленный и, что немаловажно, девятизарядный. Но без запасного магазина. Зато тот, что в рукоятке, оказался почти полным. Всего без одного патрона.

В руку лег как влитой, поэтому был назначен на почетную роль второго ствола. И пофиг, что таким патроном только крыс стрелять. Накоротке вполне сойдет, а как оружие последнего шанса – тем более. Раздобуду или сошью кобуру к нему – можно будет носить на щиколотке. Или еще в каком потаенном месте, даже без кобуры.

А вот второй трофей, короткоствольный револьвер типа «бульдог», под патрон довольно крупного калибра, неопознанной модели бельгийского производства, несмотря на то что был вполне ухоженным и с полным барабаном, отправился в рюкзак, составлять компанию «нагану». Не знаю, пользовался я такими стволами в своей прежней жизни или нет, но по тактильным ощущениям не мое оружие. Хотя пока пусть лежит. Может, и пригодится для чего.

– Ну что, господин поручик, наверное, пора идти знакомиться с местным бомондом? – Старым проверенным способом я определил, куда дует сквозняк, поправил баул на плече и потопал по коридору.

Никаких неожиданностей по пути не случилось. Ни скелетов в ржавых цепях, ни вампиров с прочими нетопырями и привидениями встретить не довелось. К сожалению. Даже крыс. Правда, замерз как собака, но пойло папаши Рене более-менее позволяло держать себя в тонусе.

Наконец, впереди забрезжил неясный свет. А через несколько десятков шагов дали о себе знать «дети подземелья».

– Сбавь ход, человече… – с легким удивлением скомандовал хриплый простуженный голос откуда-то из темноты. – Каким ветром тебя сюда занесло?

– Зовусь Александром, – стараясь говорить спокойно, ответил я и остановился. – К Доминику Красавчику от Рене Колючки.

– А-а-а, знаю такого… – весело прохрипел невидимый мужик и шумно высморкался. – Как там одноглазый урод поживает? Не сгнил еще?

– Не знаю одноглазого. А вот одноногого вполне.

– Ладно, – веселья в голосе у встречающего сильно поубавилось. – Иди вперед, я за тобой. И руки держи на виду.

– Как скажешь, – я как бы невзначай повел в сторону рефлектором фонаря и выхватил лучом света из темноты длинную и тощую фигуру в длинном брезентовом дождевике. Клошар стоял, прислонившись плечом к стене, и небрежно целился в меня, держа обрез двустволки на уровне пояса. А вот лица рассмотреть не получилось, потому что его скрывал глубокий капюшон.

– Топай, топай… – клошар показал стволом направление движения. – И потуши лампу. Дальше она тебе не понадобится.

– Хорошо… – я прикрутил фитиль и двинулся дальше. А уже через пару минут по звуку шагов понял, что за мной идут по крайней мере трое. А что, толково. Один встречает, отвлекая на себя внимание, остальные на подстраховке в боковых коридорах. В случае чего шансов у гостей очень мало. Конечно, если их не целый батальон пожалует. Впрочем, неизвестно, чем вооружены остальные, может так статься, что и батальона мало окажется. А мне вообще нечего ловить в данной

ситуации. Хотя вроде как беспокоиться пока нечего. Не пристрелили на месте, оружие отобрать тоже не пытаются, так что шансов на благополучный исход вполне достаточно.

Где-то через сотню метров мы вышли в небольшой зал, размером чуть побольше баскетбольной площадки, скудно освещенный несколькими керосиновыми лампами. По его периметру ютились жалкие лачуги, собранные из разного хлама и листов ржавой жести, а по центру, возле небольшого костерка, на ящиках сидело несколько человек. Общим числом семь. Еще мгновение назад полностью занятые созерцанием булькающего котелка, они разом повернули к нам головы.

Местные обитатели представлялись мне примерно как в песне: «на лицо ужасные, прекрасные внутри…». Ну а как я должен представлять французский аналог обычных бомжей? Так вот, не знаю, что насчет «внутри», а с рожами я особо не угадал. Обычные люди, не то чтобы прилично одеты, но и не в лохмотьях – словом, страшней видали. Никто из них не проронил даже слова при моем появлении, вот только выражения их лиц я бы особо приязненными не назвал. Но и ничего враждебного не разглядел. Настороженно оценивающие взгляды, не более того.

От костра поднялся и шагнул нам навстречу невысокий мужчина в толстой вязаной кофте и расшитой бисером бархатной шапочке наподобие турецкой фески. Едва представилась возможность рассмотреть его лицо, сразу стало понятно, что это и есть тот самый Доминик, потому что парень, а ему вряд ли было больше тридцати лет, отличался прямо-таки выдающейся мужской красотой. Он даже чем-то смахивал на меня самого. Но… но только с левой стороны. Всю правую сторону лица занимало багровое уродливое родимое пятно.

– Кого ты привел, Серж? – резко спросил он у сопровождающего.

– Он сам пришел… – смиренно доложил Серж, в очередной раз хлюпнув носом. – Шел по северному коридору. Говорит, что к тебе. От Рене Колючки.

– Колючки? – Доминик вопросительно глянул на меня, словно давая слово.

– Да, от него, – не торопясь подтвердил я. – К тебе.

– Зачем? – не особо приязненно поинтересовался Красавчик.

– Пересидеть несколько дней. Пока наверху все уляжется. Потом скажу спасибо за приют и исчезну.

– С кем поссорился? С полицией?

– Со всеми. И с полицией тоже… – отрицать очевидное не было смысла, но подробности я все-таки пока скрыл.

Не скажу, что во взгляде Доминика прибавилось приветливости, но голос слегка оттаял. После недолгой паузы он сказал:

– Мы не даем приют кому попало. Однако гнать тебя пока не будем. Оружие есть?

– Есть… – нехотя буркнул я, прямо наяву ощутив, как меня сзади берут на прицел.

– Давай сюда, – коротко приказал Красавчик. – Завтра, после того как я поболтаю с Рене, вернем.

Ну и как быть, мать его так? Какого-либо другого достойного выхода из ситуации не наблюдается даже близко. Впрочем, наивно было бы рассчитывать, что меня примут с распростертыми объятьями. Поэтому пришлось расставаться с «кольтом» и «маузером». С «наганом» и «бульдогом» – тоже. А вот складень почему-то не забрали. Ну, удружил, старый хрыч. Мудила одноногий. С такими наводками вполне можно без башки остаться. Да и я сам хорош. Впрочем, не убивать же их? Да и проблематично это, в такой-то диспозиции. А так надежда умирает последней.

– Проверь его… – Доминик не глядя рассовал мои стволы по карманам, дождался, пока Серж выполнит приказ, потом пошел к одной из халабуд, бросив на ходу: – Иди за мной.

К моему разочарованию, заселяться пришлось не в хижину, а в довольно тесную камеру, вырубленную в стене зала.

– Посидишь здесь до утра… – Доминик приглашающе махнул внутрь рукой и подтвердил очевидное: – Другого выхода у тебя пока нет. Либо так, либо… сам понимаешь. Если все будет нормально, выпустим и дадим приют. И не беспокойся – мы никого никогда и никому не выдавали. Пока не выдавали.

После чего ушел, оставив меня на попечение Сержа и еще одного клошара, маленького и щуплого, но вооруженного коротким кавалерийским карабином.

«Сам пришел, дурак… – ругнул я себя и переступил порог кельи. – Так что нечего жаловаться…»

– Клопов в тюфяке вроде нет, – доброжелательно прогундел Серж, закрывая за мной склепанную из железных полос решетку. – Правда, холодновато, но я скажу Лили, чтобы она принесла тебе плед.

– Сам неси, – фыркнул его напарник, при ближайшем рассмотрении оказавшийся молодой девушкой. – Раскомандовался тут.

Дева наградила меня и простуженного уничижительными взглядами, смахнула со лба выбивающийся из-под вязаной шапочки локон, круто развернулась и потопала прочь, ловко неся свой винтарь на сгибе локтя.

Словно извиняясь за напарницу, Серж развел руками, с хрустом провернул ключ в замке и тоже ушел. Правда, через пару минут все-таки принес одеяло и просунул его мне в решетку.

– А parasha где? – обозрев свое обиталище, поинтересовался я у него, машинально ввернув русское обозначение соответствующего атрибута тюремного интерьера.

– Что? – немедленно озадачился конвоир.

– Мочиться, куда, говорю?

– А-а-а… в угол…

На этом диалог закончился. Я постоял немного и примостился на тюфяк, набитый слежавшейся ватой. Потом схрумкал пару колбасок, запил самогоном и неожиданно быстро заснул. Что и неудивительно – денек выдался просто адский, вдобавок ночные бдения с Люси сказались. Да и здоровье еще полностью не восстановилось.

И проспал мертвым сном до самого обеда следующего дня. Отдохнуть вроде бы отдохнул, но проснулся с такой жуткой кашей в голове, что даже сначала не сообразил, где нахожусь. Дело в том, что во сне неожиданно стали прорываться воспоминания, причем не только мои, но и прежнего хозяина тела. Да еще вперемешку, покадрово, как будто перед глазами запустили с громадной скоростью ряд не связанных между собой фотографий. Гребаное подсознание! Я так ничего и не разобрал. Кроме того, что все кадры были связаны с войной и просто пропитаны смертью и кровью. Как у меня, так и у поручика. Признаюсь, жутковато было, хотя я особой впечатлительностью никогда не страдал. Вроде бы.

Ну что же, все равно в кассу пойдет; то, что поручик воевал, уже было известно, а теперь знаю, что и я тоже в свое время отметился. А если сопоставить кое-что, к счастью, сохранившееся в памяти, можно даже вычислить где. Правда, очень приблизительно. Слишком уж во многих конфликтах участвовал Советский Союз и Россия за последнее время. Начиная с Афганистана и до Сирии. И это не считая грызни на постсоветском пространстве. И еще один немаловажный штришок появился: государевым человеком я был. То бишь на службе государевой. Но не чиновником: те все больше поодаль от войны держатся. Вот как-то так…

– Первый раз вижу, чтобы так дрыхли в этой камере, – с восхищением пробубнил Серж, с лязгом ковыряясь ключом в замке. – У тебя что, канаты вместо нервов? Вот же дерьмо, заклинило, что ли? Сейчас… ага, получилось. Выходи, парень. Красавчик хочет с тобой побеседовать.

– Подождет твой Красавчик… – поеживаясь от холода, я не спеша справил нужду в угол камеры, после чего буркнул: – С вещами?

– Чего?

– Ладно, proehali. Идем, воин тьмы.

Народу у костра со вчерашнего дня сильно поубавилось: над котлом колдовал всего лишь один мужик, закутанный в потертый плед, словно гитлеровец под Москвой, да еще какой-то белобрысый патлатый пацан помогал ему кашеварить. Больше никто не просматривался.

– Лео когда-то был лучшим шеф-поваром в Марселе! – с гордостью сообщил Серж. – Готовит просто великолепно! А лучше всего у него получается кассуле[12 - Кассуле – блюдо средиземноморской кухни. Густая бобовая похлебка с зеленью и мясом.] и каракатица в собственных чернилах. Правда, только когда он трезвый. Что бывает довольно редко.

– Угу…

Ну а что тут скажешь? Некоторых прямым ходом почти на сотню лет назад в прошлое забрасывает, да еще в чужое тело, так что из кулинаров в бомжи – это не особо и удивительно. Жизнь вообще сложная штука.

– И все из-за чего? Конечно, из-за женщины, – умудренным тоном продолжил словоохотливый клошар и остановился у одной из хижин. – Ну все, пришли.

Внутри оказалось на удивление пристойно и уютно. Мебель, ковры, здоровенные часы из черного дерева с мудреным механизмом под прозрачной крышкой и даже роскошное резное кресло с золотой инкрустацией, здорово напоминающее трон. И все расставлено с претензией на интерьер, а не как бог послал.

Доминик сидел за столом с крытой зеленым сукном столешницей и что-то писал. Услышав шаги, он показал мне на стул напротив себя и довольно приветливо поинтересовался:

– Как переночевал?

– Бывало и лучше.

Красавчик пожал плечами и сразу же сменил тему разговора:

– Колючка подтвердил твои слова.

– Я рад.

– Ну и натворил ты дел. Признаюсь, такой паники в городе не было уже давно, – Доминик неопределенно покачал головой. То ли с восхищением, то ли растерянно. – Так что отсиживаться тебе придется очень долго.

– Можно поподробней.

– Можно, – Красавчик вежливо кивнул. – После того, как ты завалил ребят из союза в борделе мадам Люсьены…

– Союза? – быстро переспросил я. – Извини, у меня некоторые пробелы в памяти.

– Я знаю о твоей проблеме, – спокойно сказал Доминик и пояснил: – Корсиканский союз, в котором заправляет семья Неро. Выходцы из Корсики. Большая часть криминальных денег в городе сейчас под ними. А если точнее, почти все, потому что сегодня утром Сицилийца грохнули. Причем грохнули свои и тут же нырнули под крылышко Франко Неро. Не все, конечно, часть коренных сицилицев не присоединились к нему, но были вынуждены перейти на нелегальное положение, так как их сравнительно мало. Так что теперь тебя ищут обе группировки. Верней, уже одна. Ну и полиция, соответственно. Правда, она больше занимается тем, что хватает всех подряд. Городская тюрьма скоро лопнет по швам.

Вот тут я немного напрягся, потому что при таком-то развитии ситуации прятать меня клошарам нет никакого смысла. Себе дороже. Проще выдать.

– И что, зная все это, ты мне дашь приют?

– Почему нет? – Красавчик улыбнулся. – Враг моего врага – мой друг. Даже если не друг, то союзник точно.

– Стволы верни, – потребовал я. Возможно, чуть резче, чем требовалось. – И проясни насчет врагов и друзей.

И слегка удивился, когда Красавчик стал выкладывать на столешницу мое оружие. Видимо, у них самих ситуация не из лучших, если приходится вот так на

скорую руку вербовать себе союзников. Впрочем, он прекрасно понимает, что мы теперь в одной лодке, ибо… ибо деваться господину поручику больше некуда.

– До недавних пор мы никому не мешали, – начал Доминик. – Все началось с того, что…

Но не договорил, потому что снаружи послышался возбужденный гомон, а потом в дверь хижины просунулся Серж и озабоченно пробубнил:

– Красавчик, там Луку принесли…

– Идем, – Доминик встал из кресла.

Возле очага толпилось несколько человек. После окрика своего предводителя они быстро расступились, сразу стало видно самодельные носилки с неподвижно лежащим на них мужчиной. Доминик присел возле него и резко поинтересовался:

– Кто это сделал?

Мужчина, а точнее молодой парень, ничего не ответил, он только тихо стонал и, судя по всему, был без сознания. По худому чумазому лицу с заострившимися чертами пробегали редкие капельки пота. Грязное тряпье, которым поверх одежды его перевязали, прямо на глазах набухало кровью.

– Кто, я спрашиваю? – так и не дождавшись ответа, заорал Красавчик.

Клошары разом загалдели, наперебой перебивая друг друга:

– На рыбном рынке…

– Ни с того ни с сего…

– Корсиканцы…

– Затащили нас в переулок и избили…

– Лука пытался сопротивляться, его пырнули ножом…

– А Лиона Рыбку с Хромым Гийомом уволокли с собой…

Честно говоря, мне было абсолютно плевать, кто там кого побил и пырнул. И кого уволокли с собой. Но вот паренек, похоже, доживает свои последние минуты. Жалко. Молодой совсем…

– Лампу несите! – совершенно неожиданно для себя рявкнул я. – Остальные пошли на хрен!

Все мгновенно заткнулись, но никто даже не подумал тронуться с места. И только после того, как Красавчик продублировал команду, быстро прыснули по сторонам. А через мгновение рядом с носилками присела Лили с керосиновой лампой в руках.

– Доктор будет где-то через сорок минут… – тихо сказал Доминик. – Ну… бывший доктор… мэтр Гинадон. За ним уже послали. Сделай так, чтобы Лука не умер за это время. Прошу тебя!..

«Если бы я знал, как это делать… – буркнул я про себя. – Вроде бы никаких медицинских талантов пока не было обнаружено…»

Но в итоге решил довериться инстинктам. Или чему-то там еще. Увы, не разбираюсь.

Для начала срезал тряпье вместе с одеждой, обнажил парню грудь и, абсолютно не соображая, как поступать дальше, уставился на колотую рану, из которой толчками пузырилась алая кровь. Весело… Странно, что он еще живой.

– Давно так кровь идет? Не слышу!

– Не-ет… – робко проблеял кто-то за моей спиной. – Сначала не так… Не особо сильно. А уже здесь как хлынет… Мы его того… уронили слегка… Вот потом…

«Идиоты! Как ни крути, надо артерию пережимать. А какую? Подмышечную, сонную или подключичную? Вот же… – я недолго поколебался, потом посадил

Луку, завел ему левую руку за спину и как можно сильней нажал пальцем на впадину за ключицей. – Ну… останавливайся, твою мать…»

И едва не завопил от радости, когда кровотечение стало утихать. Ну и ну… умею, однако. Впрочем, с моими-то похождениями на разных войнушках и не такому научишься.

– Пока так. Но если в ближайшее время не появится доктор, вашему парню уже никто не поможет. Тебя зовут Лили? Хорошо. Быстро принеси мне чистые бинты или вату. А лучше все вместе. И крепкого алкоголя. Надо продезинфицировать и закрыть ему рану. Ты еще здесь? Begom marsh, pigalitsa!

Глава 6

Франция. Марсель.

Тоннели старой канализации.

«Община» клошаров.

12 ноября 1919 года. 16:00

Длинный, костлявый и жутко похмельный мужик появился ровно через сорок минут. Засаленное пальто, растоптанные опорки, недельная неряшливая щетина, седые грязные патлы до плеч, – персонаж выглядел очень колоритно и прямо-таки олицетворял собой образ клошара. Но никак не доктора. Правда, справедливости ради надо отметить, что кое-какое сходство с эскулапом ему все-таки придавали скрепленное проволочкой пенсне и облезлый медицинский саквояж.

Но как только он открыл рот, все сразу стало на свои места. Общая зачуханность быстро отступила, а на первый план выступил жесткий и злой профессионал

высшего класса.

Я выслушал скупую похвалу за умелые своевременные действия, после чего с чувством выполненного долга свалил обратно в хижину.

– Спасибо, что спас Луку, – с чувством поблагодарил меня Доминик. Левая скула у него заметно подергивалась, а родимое пятно стало еще ярче. Чувствовалось, что клошар сильно нервничает.

– Я его не спас, – честно признался я. – А только помог прожить эти сорок минут. Дальше все в руках вашего доктора и высших сил.

– Если бы не ты, – Красавчик покачал головой, – Луки уже не было бы с нами. А он мой младший брат. Выпьешь? – не дожидаясь ответа, клошар встал и достал покрытую пылью бутылку из шкафчика. – Арманьяк, двадцать пять лет выдержки. Храню для особых случаев.

– Пожалуй, не откажусь.

– Рад, что ты с нами! – Доминик поднял рюмку и, не чокаясь со мной, пригубил ее.

– Не спеши, – я сделал глоток янтарной жидкости с терпким, слегка резковатым вкусом и едва не зажмурился от удовольствия. А что, неплохо, весьма неплохо. Чуть ли не на следующий же день после моего переноса, к своему немалому разочарованию, я узнал, что организм поручика, то есть мой организм, вообще не переносит вина. Никакого, пускай даже очень качественного. После первой же капли начинается сплошной ад: изжога, тошнота, мигрень и прочие прелести, А вот более крепкие напитки – идут за милую душу. Не знаю, почему так, но факт есть факт. С тех пор я успел здесь попробовать только коньяк, кальвадос и виноградный самогон. И вот сейчас этот арманьяк. Пожалуй, последний выбился в лидеры по моим предпочтениям. А вообще, здесь, в прошлом, очень неплохое пойло. Уж куда лучше, чем современная бодяженная дрянь.

– Что не так? – встревожился Доминик.

– Все не так. Извини, но я должен знать, во что ввязываюсь.

– Спрашивай, – с готовностью предложил Красавчик. – Я тебе все расскажу. Это нормально.

– Кто вы такие?

– Бродяги, нищие, попрошайки, воришки, словом, все те, кого называют клошарами, – с улыбкой сообщил Доминик. – Мы предпочитаем называть себя вольными людьми, но и это прозвище признаем.

– А ты, значит, у них главный?

– Да, – пожал плечами француз. – Все считают меня своим лидером.

– С чего вы живете?

– Со всего понемногу, – уклончиво ответил Доминик. И тут же поспешно добавил: – Каждый торговец в Марселе считает, что если дать пару франков в неделю на нужды клошаров, то это принесет ему удачу.

«Конечно, удачу, – я про себя улыбнулся, – потому что, если не отдашь бомжам дань, тебе каждую ночь будут срать на крыльцо и мазать дерьмом окна. Или чего еще похуже. А это уже явная неудача…»

– На эти деньги, к слову, совсем небольшие, – продолжил француз, – мы помогаем всем клошарам Марселя. Подкармливаем в голодное время, зимой обеспечиваем одеждой, лечим и даем приют. Каждый из них знает, что в случае необходимости он может обратиться в «общину». И ему здесь помогут.

«Как благородно. Только ты забыл упомянуть, что взамен каждый член “общины” платит десятину со своих доходов, – опять отметил я. – И только попробует не заплатить, так сразу лишится покровительства. Как в любом закрытом обществе. Криминальном и не очень. Так было и так будет всегда…»

– Хорошо, я понял. Что пошло не так? С какой стати вы поссорились с корсиканцами?

– До недавнего времени нас никто не трогал, потому что мы никогда не лезли в чужие дела, – Доминик добавил арманьяка в рюмки, – и по сути, никому не мешали. Но все изменилось с того момента, как Неро решил баллотироваться в городской совет. Знаешь, каким был один из пунктов его предвыборной программы?

– Откуда?

– Ах, ну да, прости… – Доминик виновато улыбнулся. – Неро провозгласил лозунг: дадим каждому клошару Марселя шанс на новую жизнь. После чего на свои деньги открыл несколько ночлежек, устроил бесплатные раздачи одежды и пищи, словом, принялся активно воплощать идею в жизнь. Одновременно, развернул широкую кампанию в прессе и под шумок даже выбил финансирование на программу социальной реабилитации бездомных. Надо сказать, наши дурни поначалу повалили к нему толпами. Вот только все было не так-то просто. Приюты оказались настоящими тюрьмами, где клошаров заставляли работать за миску пустой похлебки и при малейшем неповиновении нещадно избивали. Мало того, самые молодые и здоровые мужчины, да и женщины тоже, со временем исчезали. За первых два месяца пропало около сотни человек. Мы долго не знали, что с ними случилось, но потом один парень сбежал и все рассказал…

Клошар сделал паузу и нервно закурил. Я тоже достал сигарету из пачки. Надо же, какие страсти. А теперь, по логике событий, он мне расскажет, что клошаров куда-то продавали как дешевую рабсилу. Угадал?

– Оказывается, этот ублюдок продавал их в Алжир и Тунис… – после недолгой паузы выдал Доминик. – Как рабов, мать его шлюха! Мы, конечно, кое-что предприняли, и сюда приехала из Парижа проверка. Но, как ты догадываешься, ничего не произошло. Вообще ничего. Чины из департамента социальной политики встретились с чистыми, толстыми и довольными своей жизнью бывшими бездомными, сфотографировались с ними и тут же укатили обратно. Скорее всего, с кругленькой суммой в кармане. Естественно, наши стали сторониться приютов, словно католические монахи борделей. Тогда люди Корсиканца начали хватать их прямо на улицах. Знаешь, мы никогда не ощущали недостатка в пополнении своих рядов, потому что в Марсель стекались бродяги и бездомные со всей Франции. Все-таки, здесь жизнь гораздо легче. Но сейчас дело обстоит ровно наоборот. Нас в городе осталось едва ли полусотня

человек, да и то только благодаря тому, что новый начальник департамента полиции, Робер де Голар, вмешался и прекратил похищения. Нет, конечно же, не из сострадания, а из-за того, что не поладил с Корсиканцем на почве контроля за потоками контрабанды, и теперь всячески ставит ему палки в колеса. Но сделать с ним ничего не может. Впрочем, как и Неро с де Голаром. У обоих сильные покровители в Париже.

– Договориться пробовал?

– Пробовал, – мрачно кивнул Доминик, – только получилось еще хуже. Неро потребовал ему платить ежемесячно гигантскую, просто неподъемную сумму. Я, конечно же, отказался и обратился к Сицилийцу. Тот запросил меньше, но потом вообще ушел в сторону, так как не захотел портить отношения с корсиканцами из-за каких-то клошаров.

– Как насчет силовых методов решения проблемы?

– Было дело. Мы атаковали их везде, где находили, – Доминик допил арманьяк и зло стукнул рюмкой об стол. – Но все равно размен произошел неравнозначный. Понимаешь, у меня было не так много боеспособных людей. А сейчас их осталось едва ли пара десятков. Остальные… как бы тебе это сказать… Давно примирились с собой и с окружающим миром. Им проще отсюда уйти, чем убивать.

– Как дела обстоят на данный момент?

Доминик невесело усмехнулся:

– Все плохо. Портовые шлюхи, карманники и мелкие воришки безропотно приняли нового хозяина и теперь платят Корсиканцу. Торговцы и ремесленники тоже почти прекратили оказывать нам уважение. Доходы сократились до минимума. Мало того, клошаров начали пробовать выжимать из подземелий. Но, к счастью, не особо преуспели в этом. Все-таки мы здесь дома и знаем наизусть каждый спуск и тоннель.

«Ага… теперь понятно, почему вокруг подземной общины сплошные посты и секреты, – отметил я. – Но, честно говоря, у меня было гораздо лучшее мнение о марсельских босяках. Как он там сказал: примирившиеся с собой и миром?

Клошары-пацифисты? Впрочем, это Франция, а не Россия. Здесь все по-другому. Н-да… попал, как кур в ощип…»

– От меня-то чего хочешь? Неужели думаешь, что я вот так возьму и разом решу твою проблему? Скажу сразу, ты ошибаешься.

– Нет! – клошар гневно сверкнул глазами, но сдержался и сдержанно сказал: – Нет, я так не считаю. Да, по большому счету мы сами виноваты в своих проблемах, но и решим их тоже сами. С тобой или без тебя. Но и твоя помощь «общине» окажется не лишней. Надеюсь, не стоит напоминать, что у нас один и тот же враг?

– Не стоит. Своих врагов я знаю…

Тут дверь с грохотом распахнулась и в хижине появился сам мэтр Гинадон. Доктор повел вокруг мутными шальными глазами, узрел на столе бутылку, ловким выверенным движением схватил ее и, алчно двигая кадыком, выхлебал одним махом. Потом хрипло перевел дыхание, икнул и, покачнувшись, пробормотал затухающим голосом:

– Лука будет жить. А я отдыхать…

И тихонечко сполз по стене на пол. А через мгновение уже жизнерадостно храпел, поскуливая и подергивая ногой, словно щенок во сне.

Доминик усмехнулся и развел руками, мол, видишь, с какими кадрами работать приходится.

– Ладно, – я тоже не сдержался от улыбки. – Убить Корсиканца вы пытались?

– Было такое… – словно стыдясь признаваться, нехотя ответил Доминик. – Несколько раз. И не только мы. Но он словно заговоренный. А сейчас эта сволочь торчит безвылазно в своем имении. А там столько охраны, что даже пытаться не стоит. Но даже если мы его убьем, может стать только хуже. Место займет его средний брат, Лука, так тот вообще полный урод и садист. Не остановится, пока не вырежет всех нас. Несмотря ни на что.

– Понятно. Ты говорил, что часть сицилийцев так и не приняла Франко Неро за главного?

– Точно, – подтвердил клошар. – И они еще попортят Корсиканцу немало крови. Это коренные, из Сицилии. Свирепые твари.

– В случае чего, сможешь выйти на них?

– Думаю, да… – после недолгого раздумья ответил Доминик. – Ты думаешь…

– Пока ничего не думаю. Как у тебя с оружием?

– Кое-что уже есть. Надо будет больше – достанем. Что-то еще?

– Нет, пока все. Я подумаю, чем смогу вам помочь.

Мы еще немного поговорили, после чего Красавчик отправился к брату, а мне выделили для проживания целую хижину, правда, размером с микроскопический курятник. Апартаменты, ети их в душу. Впрочем, не в претензии я. Топчан есть, матрас чистый, даже откидной столик и полки на стене присутствуют, так что устроюсь как-нибудь. Чай, не барин. Ого! Даже половик на полу. Тем более живем.

– Что-нибудь еще? – ковыряясь в носу пальцем, поинтересовался тощий коротышка со смешным именем Бонифас и банальным прозвищем Клоп, занимающий в «общине» должность наподобие завхоза. – Посуду и новые одеяла я сейчас принесу.

– Вроде ничего… – я огляделся. – Хотя, подожди, мне надо немного машинного масла и ветошь.

– Без проблем… – Бонифаций ушел и уже через пару минут притащил жестяную миску, эмалированной кружку, ложку и пару новых армейских одеял. А потом положил на стол масленку с куском фланели. – Вроде все. Лампа у тебя есть, керосин будешь брать у меня. Если что, обращайся. И это… спасибо за Луку…

После чего осторожно прикрыл за собой дверь.

Надо сказать, после того, как я не дал помереть брату Красавчика, отношение местного люда ко мне значительно потеплело. Не то чтобы они преисполнились величайшего почтения, но настороженность все-таки исчезла.

– Можно сказать, прописку прошел, – я разложил оружие на столе и принялся готовить его к чистке. – Теперь осталось определиться; влезать ли в местные свары или просто отбывать свой номер, ровно до того самого времени, когда удастся без проблем свалить из города. Ведь когда-то этот шухер уляжется?

С одной стороны, мне глубоко плевать на местных бомжей и иже с ними. Да, Корсиканец еще тот беспредельщик, но с какой стати я должен за них вписываться? Сами прогадили малину, пусть сами и расхлебывают. К тому же Доминик явно что-то недоговаривает. Так что надо будет помочь отбиться – помогу, а на большее пусть не рассчитывают. А с другой стороны, этот макаронник хочет меня убить. И вряд ли упокоится до того, пока не сделает это. Так почему бы не сделать ход первым? Самому это сделать довольно проблематично, но теперь, когда у меня есть какая-никакая, но компания, шансов гораздо больше. Тем более я пообещал отомстить за Люську. А обещания, особенно такие, надо всегда исполнять. Ну и? Как быть?

Неспешно разбираясь со стволами, я прикинул все варианты развития событий. Но решения все-таки не принял. Слишком мало исходных данных. Вот раздобуду побольше информации, тогда и посмотрим. Спешить-то некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Островные обезьяны – презрительное прозвище британцев во Франции.

2

Наваха (исп. Navaja) – большой складной нож испанского происхождения, род холодного оружия и инструмента. Возникла наваха из-за запрета для простолюдинов в Испании на ношение длинных ножей. Рукоятка у навахи почти всегда имеет характерный изгиб на конце.

3

Револьвер системы Нагана – револьвер, разработанный бельгийскими оружейниками братьями Эмилем и Леоном Наганами, и состоявший на вооружении и выпускавшийся в ряде стран в кон. XIX – сер. XX в. В 1895 г. был принят на вооружение Русской императорской армией, в варианте под патрон 7,62?38 мм Наган.

4

Поручик – нижний офицерский чин в Русской императорской армии, эквивалентный чину старшего лейтенанта в современной российской армии.

5

Экспедиционный корпус русской армии во Франции – обобщающее наименование экспедиционных войск Русской императорской армии, участвовавших в Первой мировой войне на территории Франции по инициативе двух государств в рамках интернациональной помощи и обмена между двумя союзниками по Антанте.

6

Русский Легион Чести (фр. Le?gion Russe pour l’Honneur) – специальное (особое) формирование из военнослужащих Русской императорской армии, участвовавшее в Первой мировой войне, в составе ВС Франции.

7

Орден Почётного легиона (фр. Ordre national de la Le?gion d’honneur) – французский национальный орден (организация), учреждённый Наполеоном Бонапартом 19 мая 1802 года по примеру рыцарских орденов.

8

Флики – презрительное прозвище полицейских по Франции.

9

Клошар – пренебрежительное прозвище бродяг, нищих и просто неряшливых людей во Франции.

10

Лейтенант-колонель – французское военное звание, равнозначное подполковнику.

11

Лупара – неполный обрез охотничьего ружья, при изготовлении которого несколько укорачивается блок стволов, но иногда сохраняется приклад.

12

Кассуле – блюдо средиземноморской кухни. Густая бобовая похлебка с зеленью и мясом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bashibuzuk_aleksandr/emigrant-gospodin-poruchik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить